

**Константин
Кудрев**

**Море
смеялось**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Николаевич Кудрев

Море смеялось

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54887315

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06340-2

Аннотация

В книге автор с присущим ему юмором рассказывает о своей учебе (1982–1987 гг.) в самом «закрытом» учебном заведении СССР – ВВМИОЛУ им. Ф.Э. Дзержинского. О славных традициях курсантов-дзержинцев, о неизвестных страницах истории из жизни Страны Советов и всего мира – подчас трагичных, подчас комичных! Дорогой читатель, обещаю, будет интересно! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Море смеялось	4
Глава 2. Жизнь парадная	40
Глава 3. Мишка	106
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Глава 1. Море смеялось

Маленький мальчик сидит на горшке и читает букварь. В это время его мама лепит на кухне пельмени.

– Мама, а что такое аборт?

Мама теряет дар речи, рассыпает муку и начинает, заикаясь от волнения, объяснять сыну, «то бывают такие ситуации, когда по той или иной причине или...»?

– А где это ты нашел? – спрашивает мать.

– А здесь, мамочка, в букваре написано: «А море смеялось и пело, и билось о борт корабля».

Анекдот

Концертный зал постепенно заполняется людьми. Одни очень суетятся и шумят, другие наоборот – неспешно и степенно усаживаются в мягкие кресла и разговаривают так тихо, почти шепотом. Из оркестровой ямы доносятся звуки отдельных фрагментов и мелодий. В этих звуках чувствуется какой – то пред концертный мандраж, некая нервная амплитуда, эдакое предэкстазное настроение, которое передается всему залу!?

Наконец – то дают третий звонок! Медленно гаснет в зале свет. Бабушки – вахтерши закрывают двери, попутно поторапливая опоздавших. Ах эти знаменитые ленинградские бабушки! Ну что за прелесть!

Вы говорите, "язык до Киева доведет!?" Нет, это чудесные питерские бабуленьки не только покажут, но и расскажут или даже доведут до нужного вам места. Сколько раз они не только разрешали нам посещать концерты и спектакли, но и усаживали на лучшие места.

Взмах дирижерской палочки! Начинается увертюра, что – то до боли знакомое из советской патриотической классики. Медленно открывается тяжелый бархатный занавесь и начинается действие! «Море смеялось»!

– Что это? О чем это "Море смеялось"? – удивленно шепчет своему спутнику соседка справа.

– Не знаю, – тоже шепотом отвечает он ей, – наверное – комедия!?

– А вы, молодые люди, не знаете? – спрашивает он нас.

– Пожалуй, что комедия, – соглашаемся мы. – Да, точно – комедия!

Мы с моим другом и одноклассником Алексеем находимся в нетерпеливом ожидании веселого действия, которого могло не быть!? На некоторое время перенесемся назад, в прошлое, на гигантской машине времени. Лето, июль тысяча девятьсот восемьдесят второго года, Зеленогорск. Плавательный бассейн пансионата «Восток». Мы, абитуриенты, должны сдать очередной экзамен. На этот раз – по плаванию! Необходимо проплыть пятьдесят метров вольным стилем. Бассейн небольшой, всего двадцать пять метров в длину.

– Все умеют плавать? – спрашивает щеголеватого вида майор в форме морской пехоты. Специально пошитая в славном городе Севастополе белоснежная фуражка с черным кожаным лакированным козырьком, золотом расшитый, как у адмиралов «краб». Адмиральская кремовая рубашка идеально выглажена и подогнана по мускулистой и статной фигуре, впрочем, как и черные офицерские брюки. В начищенные до блеска черные ботинки можно смотреться, как в зеркало! Одним словом, наш майор – истинный Штирлиц! Предмет зависти мужчин и восхищения женщин! По всей видимости, с одной из них у него на вечер и было назначено свидание. Благо, что отдыхающих в пансионате дамочек и молодых мамочек было предостаточно!

– Все умеют плавать? – громогласно спросил щеголеватый и в кого-то влюбленный майор.

– Все, – не совсем дружно ответили мы, предварительно разбитые на «восьмерки», по числу дорожек.

– Первые – пошли! – скомандовал офицер. Вторым – приготовиться!

"Восьмерки" проплывали за «восьмерками». Настала очередь Алексея.

– На старт..., внимание..., – казалось, что майор что-то чувствует и сознательно "тянет".

– Марш!

Как там в рассказе у Жванецкого: "Все прыгнули, и он тоже прыгнул...!" "Все прыгнули в воду, но не все поплыли.

Леха лежал на дне бассейна «топором» и пускал пузыри.

– Ебть! – только и успел крикнуть майор, на лету отбрасывая белоснежную фуражку и скинув лакированные туфли. Алексея офицер конечно спас, причем парень даже не успел "нахлебаться воды", а вот о вечернем любовном randevу пришлось забыть. И хотя, как в последствии выясниться, майор, а к окончанию нашей учебы ставший начальником кафедры физподготовки и "настоящим полковником", и тем не менее помня о своем унижительном возвращении из бассейна, на мандатной комиссии попытался отчислить незадачливого пловца. Но в конечном счете, будучи в душе человеком добрым и справедливым, согласился с достаточно убедительными доводами комиссии. Во-первых, Алексей окончил школу с золотой медалью, во-вторых, его дед был не только соратником Келдыша и Александрова и создателем атомной энергетической установки для первого в мире атомного ледокола и первой советской атомной подлодки, но и директором завода по строительству этих самых лодок в Нижнем Новгороде. С такими весомыми аргументами трудно не поступить на «краснознаменный» кораблестроительный факультет Высшего Военно-морского Инженерного ордена Ленина Училища имени Феликса Дзержинского и успешно окончить самое закрытое и самое элитарное учебное заведение Советского Союза. И так, разрешите представиться Меня зовут Константин Кудрев! И я – выпускник знаменитой «Дзержинки» тысяча девятьсот восемьдесят седь-

мого года и в этой книге я расскажу с присущей мне долей юмора о наших "традициях и обычаях", а также о годах учебы и моих друзьях и наставниках, которых Судьбой и Проведением было угодно мне встретить на жизненном пути. И за что я им очень благодарен!

Пожалуй неслучайно первый год учебы в училище называют "приказано выжить". Именно первые дни, недели и месяцы бывают самыми трудным, так как ломается привычный жизненный уклад и ритм, появляются обязанности и "лишения воинской службы", которые в последствии и формируют знаменитый флотский характер и выбор дальнейшего жизненного пути. Как говорится – "через тернии к адмиральским звездам!". И хорошо, когда учишься на чужих ошибках, но иногда приходится признавать собственную глупость и беспечность. Вот и сейчас мы с моим другом Юриком «идем» в первую в своей жизни самовольную отлучку. И это буквально спустя пару месяцев нашего пребывания в "системе"?! Скучно сидеть в душном классе на «самоподготовке», когда за окном буквально «бурлит» жизнь красивейшего города. Мы быстро перелезаем через ворота картонной фабрики, пробегаем школьный двор и оказываемся на набережной. Затем пробегаем к Эрмитажу, затем по Дворцовой площади через Поцелуев мостик и мы в Малом органном зале и уже слушаем Моцарта или Баха. Не сказать, чтобы мы были большими почитателями классической музыки, были конечно и «культпоходы» в бани и пивные,

однако посещение концертов, выставок и спектаклей считаю делом полезным и обязательным! Лучшее лекарство для морального здоровья и душевного равновесия. Мы – это я и мой друг Юрик. Если быть точным, в роте у нас было три Юрия и это было по всей видимости связано с полетом в космос Юрия Гагарина. Юрики были абсолютно разные, как по характеру, так и внешне. Первый был настолько флегматичным, что казался вечно "спящим красавцем" и ждущим, что какая – то прекрасная принцесса его разбудит поцелуем. Что собственно однажды и произошло. Другой, наоборот, был предельно собран, расчетлив и рационален как разведчик, как его отец. Именно влияние и авторитет отца определяли модель поведения, как инстинкт самосохранения в достаточно агрессивной курсантской среде. Однажды папаша сам оказался в очень сложной ситуации. Будучи советником Патриса Лумумбы по вопросам разведки и контрразведки в республике Конго, он не только «прощелкал» военный переворот, но и стал свидетелем казни человека, чьим именем назван университет "по подготовки революционеров – террористов для революционно – освободительной деятельности в странах Азии, Африки и Латинской Америки". По утверждению самого отставного шпиона, сначала Патрису Лумумбе отрубили саблей одну за другой руки и ноги и скормили их крокодилам!?! А затем, отрубив голову, тело бросили все тем же крокодилам. Советский разведчик только чудом вырвался из «лап» изуверов и помчался на огромной аме-

риканской машине в Кению. И когда уже казалось, что спасение так близка, произошла встреча, едва не ставшая роковой. По среди широкой африканской саванны, прямо по середине дороги рос огромный баобаб, в раскидистой кроне которого, будто Соловей Разбойник, сидел здоровенный полуголый негр, весь увешанный, как новогодняя елка пулеметными лентами и гранатами-"лимонками" с пулеметом Дегтярева в руках:

– Вылезай из машины, вонючая американская свинья, – на ломаном английском крикнул «африканский» Железняк" и угрожающе направил ствол пулемета на Юркиного отца.

– Я не американец, сэр, – ответил перепуганный советский разведчик и доставая из нагрудного кармана партийный билет и с трудом сохраняя хладнокровие, добавил, – я коммунист из Советского Союза!?

– Я знаю ваши церэушные штучки, – неожиданно «перешел» на чистейший русский африканец. Я в «мореходке», в Одессе учился. И, когда уже показалось, что угасла последняя надежда на спасение, советский разведчик разразился таким отчаянным матом, что выражения типа "негр черножопый" и "сука черномазая", пожалуй, были самыми приличными. И тут по его утверждению, с «негритосом» произошла настоящая метаморфоза:

– Привет, товарищ! – вдруг «расцвел» широкой белозубой улыбкой африканец и добавил, подняв вверх кулак правой руки, – но пас саран!

По утверждению Юркиного отца, конголезец не только пожелал "доброго пути", но и пообещал убить "всякого, кто попытается преследовать его русского друга". Правда, на этом приключения бывшего военного советника Лумумбы не закончились. В Найроби он обнаружил «контроль» практически на всех путях "отхода".

Пришлось обратиться за «помощью» к одному известному ливанскому шейху, ведущего свою родословную от пророка. Этот человек несколько раз оказывал неоценимые услуги советской внешней разведке и лично ее резиденту – Юркиному отцу. В Кении у шейха был бизнес по покупке слоновой кости. По специальному заказу был сделан деревянный ящик с "двойным дном", где благополучно улетел сначала в Бейрут, а затем обычным рейсом в Хельсинки, а затем поездом в Москву советский разведчик. На этом закончилась первая история, но началась вторая. После буквы «А» в алфавите следует буква «Б». Вначале восьмидесятых эти трагические события произошли действительно в Бейруте. К истории вопроса. Дважды нашей пятой оперативной эскадре удавалось срывать планы израильских и англо-американских спецслужб развязать гражданскую войну в Ливане, устроив бойню между мусульманами и христианами. Но в третий раз американцы на внешнем рейде Бейрута оказались раньше. Началась гражданская война, продолжавшаяся несколько лет и унесшая жизни несколько тысяч людей. Одна из про иранских мусульманских радикальных группи-

ровок похитили троих советских специалистов по бурению сверхглубоких скважин и женщину-переводчика из Ташкента. Один из советских инженеров был русским по национальности, второй – чеченцем, третий родом из Азербайджана. Женщина-переводчик была «полукровкой». Мама русская, отец – узбек. Это похищение очень нехарактерно для Востока, хотя все эти люди были «русскими» и «коммунистами», а значит, и отступниками от веры!?

Но не для "нашего бейрутского друга" – шейха. Руководство операцией по освобождению заложников на «месте» было поручено Юркиному отцу. В Бейрут были направлены четыре группы: первая разведывательно-аналитическая, вторая – технического обеспечения, транспорта и связи, третья и четвертая были «этническими», то есть состояли исключительно только из туркменов и чеченцев, так как считается, что такая группа в "силовом варианте" работает более слаженно и с максимальной эффективностью. Что собственно и было блестяще воплощено в "акции".

Сначала определились с похитителями. Похищение было спланировано большими мастерами по части провокаций на Ближнем Востоке – израильтянами через «двойного» агента, заместителя руководителя личной охраны и по совместительству родственника Ясира Арафата!?! Ведь на Востоке все продается и все покупается! Но не понятно, зачем похищение осуществил начальник службы безопасности иранского посольства. И за всем этим «дерьмом» стоял... иранский по-

сол! Видимо таким образом иранцы попытались путем шантажа заставить советское руководство не оказывать Ираку военно-техническую помощь или существенно сократить ее.

Получив полную информацию и проанализировав ее, было принято наверное единственно правильное, хотя и не бесспорное решение. Если мне не изменяет память, впервые в своей истории советская разведка применила «модный» теперь киднеппинг. При захвате детей иранского посла был убит телохранитель, а водитель был только легко ранен. Дети не пострадали и уже вечером того же дня были дома. Но быстрота и легкость исполнения акции должны были убедить папашу-посла в серьезности намерений «русских». Но самым весомым аргументом стал мешок с отрезанными головами боевиков, участвовавших в похищении и издевательствах советских специалистов. Причем расширенные от ужаса зрачки глаз и вывалившиеся языки указывали, что головы отрезали у еще живых террористов как это принято на Востоке! К сожалению, на момент освобождения один из заложников уже умер от лишений и пыток. Другие, включая женщину, были в крайне тяжелом состоянии. Всех освобожденных, включая труп, переправили в Сирию и оттуда на пароходе в Союз. Разведчикам же предстоял другой маршрут.

Рано утром на катере «вышли» в море. И когда показалось, что все неприятности уже позади, вдруг в небе показался американский самолет-разведчик. Сделав два круга над суденышком, причем второй достаточно низко, чтобы иметь

возможность внимательно рассмотреть «пассажиров», самолет «зашел» на боевой разворот!?! От бессилия и безысходности захотелось "завыть на луну". Туркмены даже сели на «корточки» и стали молиться. Но ангел-хранитель явился в виде советской дизельной подлодки шестьсот сорок первого «буки» проекта, неожиданно всплывшей "по борту" суденышка. Из открывшегося рубочного люка вылезли два полуголых боцмана в спасательных оранжевых бушлатах, одетых прямо на голое тело, и лихо «приняли» и «завели» на кнехты швартовые «концы». Потом из рубки показались два офицера. Один «поднял» на флагштоке белоснежно – сине – красный советский военно-морской флаг, другой, наклонившись в люк, достал переносной зенитно-ракетный комплекс и взгромоздив его себе на плечо, прицелился в приближающийся самолет. Все это было проделано с таким царственным спокойствием и рыцарским достоинством, что вызвало у спасенных неопишуемый прилив благодарности, радости и восторга в след улетающему прочь "американцу"!

Двухсуточный переход на дизельной подлодке оказался очень тяжелым прежде всего для «азиатов», но они терпеливо "перенесли все тяжести и лишения воинской службы", но и "оморячились"!?! Есть такая традиция на флоте посвящения в «моряки». Мне как-то довелось на кронштадтском судоремонтном заводе облазить "шестьсот сорок первую буху" как, говорится, "вдоль и поперек" или "от киля до клотика". Я спросил электромеханика:

– Почему на «броняшке» весит табличка – "Каюта 4-местная офицерская", а койко-мест только три?

– Потому что один всегда на вахте, – получил я прямой и лаконичный ответ.

Все же правы американцы, утверждая так: «Служба на подводном флоте является самой тяжелой, но русские умудрились сделать ее невыносимой!?» Вот и тот переход в "солнечную братскую страну Болгарию" надолго заполнился Юркиному отцу. Хотя и для флотского офицера и "старшего на борту" были некоторые сделаны привилегии. Во-первых, бывший выпускник «дзержинки» и капитан первого ранга, а значит знающий правила поведения, соблюдающий неукоснительно установленные флотские традиции и этикет. Во-вторых, резидент – высоко эрудированный человек с острым интеллектом и тонким чувством юмора и тактом. Такой человек всегда будет желанным гостем в любой кают-компании! Группа благополучно вернулась в Москву, и все участники операции получили боевые ордена, а офицеры лодки – медали «ЗБЗ», что дало им право досрочного поступления в академию "имени Гречки, что на Черной речке". Но оставим пока «семейку» разведчиков в покое и обратим внимание на третьего Юрия и моего лучшего друга не только на протяжении учебы в училище и службы на флоте, но и поныне.

Пожалуй, Юрик является главным героем моего повествования. Хотя, сначала я планировал посвятить Юрику лишь отдельную главу, но на поверку оказалось невозможным от-

делить "мухи отдельно, а котлеты – отдельно"! Кстати о мухах!? Была такая веселая история, но об этом потом.

Итак, Юрка в лагере для новобранцев появился на два часа раньше меня и даже успел пообедать. Мне же в спутники Бог дал товарища и хорошего парня Володьку, уже отслужившего на флоте «срочную» и потому человека опытного и бывалого, мечтавшего стать боевым пловцом или специалистом ПДСС-ПСС. Вовка первым меня «просветил» про «особенности» флотской службы, за что я очень благодарен. К большому моему сожалению, для осуществления своих планов Вовке не хватило нескольких вступительных баллов. И хотя его на мандатной комиссии и уговаривали его поступить пока на первый спец. факультет с последующем переходом на наш «красно-знаменный» третий, но он отказался! А зря, ибо отчисления случаются и «вакансии» открываются даже в таких «закрытых» из-за своей специфики классах.

Итак, мы с Юркой оказались в одной палатке, а затем и в одном классе и одном отделении. И даже "люли"(кровати) наши находились рядом сначала в кубрике, а затем и в каюте в "четырнадцатом доме".

Пару раз мы вместе снимали комнату в городе, но об этом позже. Одним словом, "бок о бок, пройдя Крым и Рим"! Через трудности и радости побед мы из глупых мальчишек превратились в зрелых мужчин, пронеся уважение и дружбу по сей день!

Юрка оказался высоким брюнетом спортивного телосло-

жения с хорошо развитой мускулатурой, особенно «накаченной» грудью. По этой причине его часто «подкалывали», а однажды я даже подшутил над ним. Дело было накануне Нового Года на третьем курсе. Проходя мимо Гостиного Двора, мы увидели огромную очередь за каким-то дефицитом. Зная, что мой друг мечтает о джинсах-"бананах", столь популярных в те годы, я предположил, что «выбросили» именно их. Юрка с большим трудом и с завидной энергией, буквально как бульдозер, пролез сквозь орущую от возмущения и негодования толпу и обнаружил... английские лифчики с застежкой "под мышками"! Теперь в пору было возмущаться уже Юрке, я же, в душе смеясь над незадачливым дружкой и скромно опустив смеющиеся глазки, ехидно спросил:

– Себе хотел купить или подруге на Новый Год?

– Да ну тебя, Костяк, на... – и добавил, – не кому не рассказывай, ладно?!

– Ладно уж, не скажу! – согласился я и спросил, – а прикольно получилось?

– Да уж, прикольней некуда! – согласился Юрик. И мы вместе засмеялись!

Эта шутка получила вскоре неожиданное продолжение. Одна моя приятельница, по всей видимости решив меня оконфузить "аглицкой системой", предложила "решить головоломку" с раздеванием и снятием нижнего белья. Девушка наивно полагала, что я не осведомлен в "данном вопросе", и вся эта история с нижним бельем не получит логическо-

го продолжения. Святая простота! Как говорила моя мама: "Простота – хуже воровства!" И я оказался на «высоте», точнее – на девушке?! Причем так быстро, что "любительница розыгрышей", кажется, сама того не ожидала!

Но вернемся к Юрику! Предки его в старину, будучи польскими гетманами и "ясновельможными панами и панночками", владели половиной Украины, откуда собственно Юрик и был родом, точнее – из славного города Ворошиловграда, ныне Луганска. Будучи "графских кровей", у него в роду были все мужчины военными, поэтому вопрос выбора жизненного пути не стоял на повестке дня. Выбор «пал» на «Держинку»! И вот теперь именно с Юриком мы бежим спустя всего месяц после начала учебы в свою первую «самоволку» и дай Бог не последнюю, ибо в противном случае – на Северный флот, в матросы! Однажды едва так не случилось?! Примерно в начале марта мы как обычно вышли после "культурной программы" из Малого зала филармонии на Невский и нос к носу столкнулись с армейским гарнизонным патрулем. Мы чудом успели заскочить в отъезжающий в сторону Адмиралтейства троллейбус, наивно полагая, что и на этот раз нам «повезло»! Но другого мнения были "сапоги, точно легавые побежали нам вслед. Не успели мы выйти из транспорта, как в метрах сорока-пятидесяти увидели бегущих патрульных – "третьекурсников из ЗРКУ"! Вот это номер! Мы быстро "взяли ноги в руки" и побежали через Шурик", вдоль дворцовой стены Адмиралтейства во двор школы и через во-

рота «картонажки» уже были "у себя в расположении части". Благо, что мы были в прекрасной физической форме и каждое утро делали пробежки и зарядку, а так же три раза в неделю занимались борьбой в зале?! Что же касается наших «ви-зави», то сил им хватило лишь добежать до училищного за-бора, с которого их благополучно «снял»... училищный же патруль и доставил в рубку дежурного по училищу. И вот тут по свидетельству очевидцев состоялся настоящий водевиль в лицах?! Нужно сказать, что в этот самый момент дежур-ным по училищу «стоял» настоящий "морской волк" и ка-питан первого ранга Капранов! Личность на флоте легендар-ная. Чуть позже я расскажу о нем поподробнее. А пока от-мечу, что это был человек среднего роста, очень крепкого телосложения с густыми по брежневски бровями неизмен-ной «подружкой» во рту – капитанской курительной труб-кой. Этот блестящий офицер не только обладал несколькими боевыми орденами, полученными в мирное время, но и зыч-ным командным голосом! Наверное потому он был не только начальником «первой» кафедры, но и командиром офицер-ского батальона на всех парадах и смотрах! И к такому же уважаемому офицеру (тут я вынужден поднять указательный палец правой руки вверх), спокойно созерцавшего со своего "командирского мостика" за проводимой силами первокурс-ников второго факультета влажной уборки вверенного ему вестибюля Училища, бросились со всех ног, словно бестол-ковые щенки, почуяв матерого пса, наши незадачливые пре-

следователи, наивно полагаясь на благосклонность и покровительство старшего по званию:

– Товарищ полковник, товарищ полковник! – радостно залопотали они, с явным намерением "броситься на грудь своему спасителю".

– Во-первых, – глаза "товарища полковника" налились кровью, а любимая трубка от такой бестактности оказалась в руке, – капитан первого ранга!

– Извините нас, – заблеяли «армейские», с явным намерением приблизиться к своему "спасителю".

– А во-вторых, – явно в командном голосе зазвучали металлические нотки, – куда по чистой палубе да грязными сапогами!?! Начальник патруля!

– Я!

– Сопроводите этих засранцев на гарнизонную гауптвахту и проведите с ними строевые занятия. Об исполнении доложить!

– Слушаюсь!

Училищные патрульные схватили «засранцев» за шиворот и вытолкнули их с КПП "в шею" на улицу. Не знаю, что испытали и пережили "будущие защитники мирного советского неба", но у них явно поубавилось желания "гонять словно зайцев" нашего брата по Невскому проспекту?!

Жизнь – корабль! И все мы на нем матросы?! А у матроса рубашка – его тельняшка! Одна полоска белая, другая – черная! Вот такая черная «полоска», а именно самоубий-

ство второкурсника с нашего факультета очень сплотила нас с Юркой. Впервые в жизни я столкнулся с чекистами, которые спокойно и сосредоточенно «работали» на месте гибели юноши и кажется не обращали на нас никакого внимания. Мы же с Юркой, бойцы дежурного взвода, вынуждены были мерзнуть на холодном невском ветру и под противно морозящим ленинградским октябрьским дождем и охранять мертвое завернутое в армейское одеяло тело курсанта, лежавшее на заднем сиденье черной «Волги» с известными номерами. Мы не сговариваясь, уселись на передние кресла и поклялись "не пасовать ни перед какими бы ни было трудностями" и "что бы с нами не случилось, не бросать друг друга в беде?!" Пожалуй, это была самая жуткая ночь в моей жизни, но она зародила нашу крепкую дружбу с Юрием на всю оставшуюся жизнь!

В ноябре умер " дорогой Леонид Ильич" Брежнев. Тогда мы еще не догадывались, что с этой смертью "закончится эра великих побед", и мы со своими знаниями, амбициями и молодыми силами будем не нужны уже умеряющей стране, да и новой России тоже?! Тут я вспомнил удивительную встречу двух первокурсников, двух Маратов, тогда еще не знавших и друг друга, и собственной судьбы, которая уготовила им через двадцать лет еще одну встречу на... «Курске»! Буквально в одну из первых увольнительных я отправился позвонить маме в Магнитогорск по случаю поступления и начала учебы. Ожидая связи на Главном переговорном пункте, я встре-

тил Марата с первого факультета по прозвищу «Пеле» из-за большой любви к футболу. С момента зачисления в училище виделись эпизодически, а поговорить как-то не получалось. И вот выдалась свободная минутка перемолвиться одним – двумя словами о первых впечатлениях, об учебе и службе. Он ждал связи с родным Ташкентом, от куда он был родом, и где его ждали мама и сестра. Это был такой же "солнечный человек", как солнечный Ташкент, всегда в радостном настроении и с улыбкой на светлом и красивом лице.

– "Ташкент! Ташкент! Вторая кабина!" – и почти сразу. – "Магнитогорск! Магнитогорск! Третья кабина!"

Переговорив с мамой и выйдя из кабины, я нос к носу столкнулся с высоким первокурсником-" фрунзенцем", который протянув для рукопожатия руку спросил:

– Ты с Магнитки? – и добавил, представившись, – Марат!

– Константин! – познакомился, пожимая протянутую руку я. Позже выяснилось, что мы жили на соседних улицах и учились в соседних школах, и нам нравились одни и те же красавицы – девушки?! А вот встретиться и познакомиться раньше как-то не представилось.

– Ты лучше набирай по автоматическому набор «пятнадцатками», Константин, – посоветовал мне мой новый приятель. – Так быстрее и ждать не надо!

– Но я не знаю городского кода!

– "Тридцать пять одиннадцать!" – на прощание сказал мой земляк. – Еще увидимся, друг!

И действительно мы встречались несколько раз. И при последней встрече уже лейтенантами! К сожалению, это не последняя потеря. В конце ноября восемьдесят второго умер мой папа. В моей памяти отец останется веселым и остроумным человеком! Жил легко и ушел тоже «легко», не кого не обременяя, во сне.

В самом начале перестройки случилось " великое культурное событие" в северной столице. Впервые в своей истории в Ленинград с единственным концертом приехал Королевский симфонический оркестр Би-Би-Си! И дирижировать им будет друг отца и наш земляк, а ныне ректор Ленинградской консерватории, дирижер Ленинградского симфонического оркестра, "заслуженный...", лауреат... премий и прочая, прочая... Одним словом это было очень круто! Не нужно объяснять, что творился настоящий аншлаг, и билетов, а тем более «пригласительных» просто не было! Казалось, что на концерт собрался весь огромный многомиллионный город, замерший в сладостном ожидании этого великого действия?! И мы с Юркой решили обратиться к ректору консерватории за «контрамарками». "Чем черт не шутит!" Терять нам было нечего, а вдруг повезет! Приехав в консерваторию, я зашел в приемную ректора и представившись, спросил секретаря:

– Не может ли товарищ ректор принять меня по личному вопросу?

Еще раз переспросив мою фамилию и имя, она вежливо

попросила обождать и зашла в кабинет к шефу.

– Проходите пожалуйста!

Поблагодарив, я быстро юркнул в кабинет.

– Так значит ты Колин сын? – без предисловия спросил лауреат и сразу «огорошил». – А помнишь как ты мне на брюки нассал?!

– ?!

И засмеявшись собственной шутке и моему замешательству, уже весело добавил:

– Да ты наверное этого и не помнишь? Тебе наверное года два было, еще там у вас на Грязнова, в Магнитке! А знаешь, что это означает? – лукаво спросил он.

– Не-ет! – оторопел от неожиданности «коварного» вопроса и изумления "столь интимного и пикантного факта" моей биографии.

– А значит, что ты обязан пригласить меня на свою свадьбу! Не женился еще? – смеясь, спросил дирижер.

– Никак нет, – уже бодро ответил я.

– Вот и замечательно, вот и славно! – засмеялся земляк и друг отца. – Как Николай поживает? Как Надя? – он даже вспомнил имя моей мамы.

– Мама – нормально! Папы, к сожалению, уже нет!

– Да!? – печально вздохнул мой собеседник, но через мгновение улыбка снова заискрилась в его глазах. – А я ведь ему жизнью этой обязан!? Да-а...! – многозначительно сказал знаменитый музыкант и рассказал удивительную исто-

рию, которую я сейчас и поведаю Вам:

"– Итак, дело было в году, эдак, в тысяча девятьсот шестьдесят шестом–шестьдесят седьмом. Мы с капеллой приехали в Москву, на Всесоюзный конкурс художественной самодельности и на удивление всем, и прежде всего себе, стали лауреатами!?! И как полагается по такому приятному поводу, решили это дело отметить! В «Национале»! Время в стране, скажем мягко, не совсем было сытое, а посему как были мы в концертных смокингах и лакированных штиблетах, так и "завалились втроем в ресторан – я, Коля и наш директор Эдинов (кстати, на доме в центре города, где жил директор капеллы, теперь висит мемориальная доска?!). Ну как положено, "хорошо сидим", отмечаем! Ресторан заполнен до отказа, кого только здесь нет?! И конечно кто-то из посетителей «заказал» драку! После непродолжительной, но достаточно массовой потасовки с "боем посуды и витрин", на пороге ресторана появились милиционеры, а на выходе – черные «воронки»! Ты сейчас такие и не встретишь?! А тогда они вызывали животный ужас! И естественно, что в эти "страшные машины" стали «грузить» без разбора всех подряд. Мол, в отделении разберемся!?! А разбирались тогда, да впрочем и сейчас, очень сурово! Партком, профком, местком, райком, горком и прочие «комы». И вместо заслуженной похвалы нас бы ожидали позор и унижение "дома" ... Подходит и к нам этакий бравый старшина-"малоросс" и приставив ладонь к козырьку, говорит:

– Проходим, товарищи, до машин!

– Позвольте! – неожиданно тут поднялся Коля и поправив атласную белую жилетку и черный смокинг, добавил, неожиданно для нас представившись старшине:

– Я – министр культуры Нагайбакской республики!

(Здесь мне следует привести краткую историко-географическую справку: Нагайбаки – крещеные татары, сосланные на Урал после подавления пугачевского восстания Екатериной Второй. Они участвовали во всех войнах, которые вела Россия на протяжении последних двухсот лет, и в честь своих побед называли села. Здесь есть Варна, Кассиль и даже... Париж! "Столицей Нагайбакской республики" является село Фершампенуаз. Нагайбаки сохранили свой жизненный уклад, обычаи, традиции, обряды, песни и танцы, которые отец очень хорошо знал и изучил)

Исходя из сложившихся советских стереотипов по-видимому старшина именно так себе министров представлял и поэтому немного смутившись при виде "живого министра" заикаясь от волнения добавил:

– Извините, товарищи, не признавши! Сидите пожалуйста, отдыхайте! Мы тут мигом сейчас разберемся! "Когда мы вышли из опустевшего ресторана и пошли в гостиницу, «разогнуты» не могли от хохота. Вот такая история со счастливым концом. – Закончил свой рассказ знаменитый дирижер."

– А ты что хотел-то, Константин? – спросил ректор кон-

серватории по-совместительству.

– Да очень хотелось бы попасть на этот замечательный концерт.

– Ноу проблем! Вот тебе контрамарка на двоих, если с подружкой придешь, познакомишь?

– Нет, с лучшим другом!

– По всей видимости, любовь к музыке у вас, Кудревых, в крови!

На том и расстались, но это было позже, а пока вернемся снова в начало восьмьдесят третьего. Первый Новый Год вдали от дома. Студенческий городок, женское общежитие, жаркие поцелуи и страстные объятия, "обещания вечной любви" и "любви до гробовой доски"! Потом была первая сессия, которую едва не «завалил». Сказалась недисциплинированность и огромное количество нарядов "вне очереди". Нужно сказать, что «пара» автоматически лишает курсанта каникулярного отпуска, принуждая не только "передать хвост", но и выполнять все хозяйственные и служебные обязанности в Училище, пока другие курсанты отдыхают. У нас в «водолазном» классе учился одессит Женька, который бывал в родном городе только летом и ровно на половину отпуска в течении двух с половиной лет учебы. Если курсант не мог пересдать вовремя «хвосты», отъезжал к новому месту службы на Северный флот. Но хорошо все то, что хорошо кончается! И вот я уже лечу в лайнере к маме домой. Рядом со мной в самолете оказался «пятак» с ВВМУРЭ им.

Попова. Оказалось, что тоже земляк. правда из новых микрорайонов-новостроек. И здесь снова нужно дать читателю краткую рекламно-историческую справку по вопросу: "Что было первое, яйцо или курица?" «Курицей» или первоосновой для командных морских училищ в России и Советском Союзе была Навигатцкая Школа, затем Морской корпус, а в советское время училище им. Фрунзе. А для инженерных же "альма – матерью" была и остается сначала Инженерное морское императора Николая Первого, а затем наша знаменитая «Дзержинка». Посему и Высшее Военно – морское училище радиоэлектроники имени изобретателя этого самого радио Попова было «дочкой», "отпочкованной" от нашего второго факультета. Тем более, что и сам Попов сделал свое изобретение в стенах и будучи преподавателем нашего училища. Земляк поведал мне о своих ближайших планах, как в последствии оказалось принять в них участие пришлось и мне. По приезду домой оказался на свадьбе моего двоюродного брата Александра, с которым еще пацанами сдружился и почти всегда вместе отдыхали или отмечали семейные праздники. Свадьба оказалась студенческой и молодежной. Сашина невеста была моей ровесницей, жених же был на три года старше. А посему у студентов разных возрастов и курсов как-то не «клеилось». Так что если б не дружок жениха Петруха? После знаменитой свадьбы старшей сестры Галины, о которой можно не только написать книгу, но и снять целый полнометражный фильм-комедию, осталось

пару бидонов отличного «первача» двойной перегонки "яки слеза божья". Дабы как-то «взбодрить» публику, мы разлили в освободившуюся из-под водки тару налить самогонку. Эффект, я должен отметить, был потрясающим! Свадьба явно повеселела! Курсантские же свадьбы изначально хорошо подготовлены и умело режиссированы, а посему более веселые и успешные. О чем собственно я и поведаю несколько позже.

Как-то быстро пролетел отпуск и второй семестр. И вот уже мы целым взводом едем в Зеленогорск, готовить учебный лагерь для новых абитуриентов. Нас сопровождают два офицера – начальник соседней роты капитан второго ранга по кличке «Слива» или «Джузеппе» за свой постоянно сизый нос, и только прибывший в училище капитан третьего ранга и по совместительству адмиральский сынок Китаев, который должен был стать командиром роты вновь поступивших на первый курс. Китаев, несмотря на недавнюю корабельную службу, выглядит на фоне заметно поблекшего "на суше" Сливе блестящим "рыцарем в сияющих доспехах". Мы быстро справились с поставленной командованием задачей и, в предвкушении чего-нибудь вкусенького на поздний ужин, отправились обратно в училище. Мы не обманулись в своих гастрономических ожиданиях и наших поварах, но предварительно хотелось бы "на десерт" или вместо полдника рассказать еще одну веселую историю, приключившуюся с нашими офицерами в электричке по пути обратно. Несмот-

ря на обычный рабочий день или точнее вечер, народу в нашем вагоне набралось предостаточно. Видимо под защитой бравых моряков ездить куда комфортнее и безопаснее. Итак, все устроились по удобнее, поезд тронулся, набирая ход и... офицеры расположились напротив друг друга и приготовились к часовой дороге. Благо, что за окнами «царствовал» солнечный теплый июньский вечер, располагающий к неторопливой и приятной беседе. Слива легким движением руки, взяв за украшенный золотыми «дубками» козырек, лихо «отправил» свою фуражку на полочку. Фуражка, совершив в воздухе "мертвую петлю", благополучно приземлилась на указанном "аэродроме".

– О!!! – в этом возгласе Китаева было и удивление, и восхищение.

– Вот, не лыком шиты! – Нет, Слива не сказал ни одного слова, но эта фраза как бы читалась на его самодовольном лице. И казалось, что его сизый нос даже засиял от удовольствия. Тем не менее, этот странный молчаливый диалог продолжался.

– А я смогу не хуже! – Это Китаев тоже решил «блеснуть» своим мастерством. Напомню, что офицеры не проронили ни единого слова, продолжая общаться только жестами и мимикой. Эдакий театр кабуки, где традиционно играют исключительно мужчины.

– А я смогу не хуже! – взмах фуражки и...

– Что случилось? – это Китаев удивился переменам с ли-

цом Сливы, которое вытянулось от удивления, как у ворошиловской кобылы.

– Сам посмотри туда, – Слива глазами указал на пустую полку.

– А где моя фуражка? – вопрошал Китаев своими расширенными глазами практически в наступившей гробовой тишине, лишь нарушаемой участвующимся дыханием и пульсом всех присутствующих в «зале» зрителей.

– Она улетела туда, – Слива указал на открытую форточку окна.

– Да?! – это Китаев мысленно попрощался с красивой, но безвозвратно потерянной вещью. Затем он встал, вытянулся во весь свой богатырский рост, расправил свои широкие плечи, открыл свой черный портфель и... достал из него точно такую же белоснежную офицерскую фуражку-близнеца, бережно водрузив ее на полку. Вот это был фокус! Казалось бы, встань офицер на голову или появление Игоря Кио со своим цирковым реквизитом, и то бы наверное не вызвали такого взрыва восторга и радости, которая обуяла всех присутствующих. Все не только громко смеялись и радовались фокусу как дети, но и хлопали в ладоши. Китаев раскланялся "уважаемой публике" и уселся на свое место. Сияющий широкой и щедрой улыбкой Слива дружески похлопал по плечу товарища:

– Ну ты даешь! – только и смог вымолвить он. Но только мы как посвященные знали, что улетевшую фуражку укра-

шал расшитый золотом адмиральский «краб», а на дубликате – фабричный металлический. И тем не менее, все же лучше вернуться в город в уставном головном уборе, чем при отсутствии оного?!

Отцвели адмиралтейские каштаны, началась пора знаменитых на весь мир белых ночей. И конечно закончилась первая летняя сессия, а с ней и первый курс – "приказано выжить". Кстати, по итогам успешной сдачи экзаменов, наш класс стал лучшим на курсе, а позднее и лучшим в Училище. Нашив на подогнанную по фигуре «голландку» специально пошитые в ателье две «курсовки» и брюки-"клеш", «хромачи» со скошенными каблуками и начищенные до блеска острыми носами. Острием иглолки бляха на ремешке путем несложных, но достаточно долгих манипуляций руками полируется до зеркального блеска. Одним словом, я весь сиял как "новый медный пятак" или как пасхальное яйцо Фаберже. Как говорят на флоте – «канолевым», то есть абсолютно новым и блестящим, я отправился к маме в очередной отпуск, купив в подарок настоящие и потому страшно дорогие по советским меркам французские духи. В самолете со мной опять оказался мой земляк, но уже не «пятак», а блестящий молодой лейтенант с молодой женой и двумя большими кожаными чемоданами. И мне впервые предстояло поучаствовать в так называемой «неформальной» флотской традиции – "Приезд героя – лейтенанта на Родину!" Вот в чем это участие заключалось. Блестящий в полном смысле этого слова,

при регалиях и кортике, морской офицер въезжает в родной город на двух одинаковых машинах (в данном случае были две белые "Волги"-такси). Причем в головном автомобиле едет он с женой, а во втором его фуражка, которую мне было предложено «милостиво» эскортировать. Участие в подобных мероприятиях считается большой честью и приносит удачу в дальнейшей службе, а также зависть и уважение сослуживцев. Вот почему отказ от обычаев и традиций не только может быть расценен, как личное оскорбление, но и вызвать всеобщее презрение в флотских кругах с последующими весьма печальными последствиями. Впрочем, на моей памяти «отказников» никогда и не было?!

Итак, мы прилетели в аэропорт родного города! Пока мой лейтенант искал две свободные одинаковые машины для своего триумфального въезда, я решил привести себя в порядок и немного "попудрить носик" в гальюне или говоря гражданским языком – в туалете. "Почистив перышки", я придирчиво осмотрел себя в зеркале и "нашел себя выглядывшим недурственно": специально пошитая на заказ бескозырка "воцарилась на затылке", украшенная золотыми ленточками, обрамленные золотыми якорями и на погончиках тоже, брюки-клеш, черный лакированный ремень, украшенный золотом сияющей бляхой и конечно зеркально начищенные ботинки-"хромачи"! Короче, ни в сказке сказать, ни пером описать! Принц – да и только! Не успел я выйти из ватерклозета, как ко мне подбежал запыхавшийся лейтенант и

прокричал:

– Ну где ты ходишь? Давай быстрее!

Спешка нужна, как известно, только в двух случаях! Выбегая из здания аэропорта, я на "полном скаку" зацепил правым носком левую брючину и, как стреноженный жеребец, растянулся в придорожной пыли. Жалкое зрелище! И до чего же обидное?! Вместо триумфального въезда "героя на историческую родину" пришлось упросить лейтенанта «причалить» к самому подъезду и быстро юркнуть в объятия мамы, и при этом чтобы не заметили соседи моего жалкого вида как в фильме "Максим Перепелица"! Я поклялся себе тогда, что больше не буду приезжать в отпуск в «форме», за исключением только уже лейтенантом. Что собственно и произошло спустя четыре года. И вот уже юный нахимовец сопровождал в кормовой машине мою специально пошитую на «заказ» в славном городе Севастополе украшенную золотыми дубками и расшитым золотой нитью крабом белоснежную фуражку, которая ныне, к моему великому сожалению, покоится на дне Аденского залива!

Впрочем, с головными уборами мне всегда не везло?! Та самая «ДЭМЭБовая» бескозырка, которой я так гордился собираясь в отпуск, была в последствии названа "военно-морской уёбой" и отправлена "ко всем чертям на х..." помощником командира крейсера "шестьдесят восемь – бис" "Александр Невский" за борт, где наверное и покоится по сей день только уже на дне Кольского залива. Да, уважаемый чита-

тель, моя первая корабельная практика прошла на борту указанного выше артиллерийского корабля в лучших традициях российского и советского флота. Всего пришлось хлебнуть в меру: и вахты, и уборку и "натирку до паркетного блеска" верхнюю деревянную палубу, и Моря, и крыс, и даже... корабельный карцер?! Но к чести молодости, юность не помнит негативные страницы, оставляя в памяти только светлые образы и счастливые события. Быстро пролетела первая корабельная практика, и вот уже нам сыграли сигнал: "Витязь!" Двое суток обмен впечатлениями в поезде, отметили возвращение в училище и второй курс вполне весело, хотя и шумно.

"А с платформы говорят – это город Ленинград!" И вот уже торжественное построение личного состава Училища "по поводу начала нового учебного года!" С интересом и любопытством наблюдаем за вновь зачисленными курсантами-первокурсниками. Неужели и мы только год назад были настолько угловатыми и бестолковыми?! Но одно безусловно не может не радовать! Наконец-то появились «новички», которым теперь будет доставаться самая грязная работа. Эдакие «золушки»! И если целый год мне приходилось маршировать на «шкентеле», то теперь позади нас маршировали целых две роты!? А значит, что теперь есть кому получать «фитили» от начальника строевого отдела и адмирала в "деле совершенствования строевого шага"! Впрочем, прошу прощения, но, уважаемый читатель, я забыл об еще одной

очень значимой традиции «Дзержинцев» – "Марше победителей"! За что, собственно и прошу прощение.

"Марш победителей" – эта особая привилегия торжественного прохождения по Невскому проспекту в День Победы 9 Мая. Участвуют в этом импровизированном параде только командование, знамя и знаменная группа, «пятый» выпускной курс как "передающий эстафетную палочку" и «первый» как "принимающий победную эстафету", а также военный духовой оркестр училища. Эта привилегированная традиция имеет глубокие исторические корни и берет свое начало с торжественного прохождения двух гвардейских героических экипажа крейсера «Варяг» и канонерки «Кореец»! Герои торжественно и триумфально прошли по всему Невскому проспекту под бурный восторг и овации народа и были приняты на торжественном приеме в Зимнем Дворце и награждены Георгиевскими наградами царем. Училище же получило эту привилегию за вклад в победу в Великой Отечественной войне. Орденом Ленина «Дзержинку» наградили перед войной, в тысяча девятьсот тридцать девятом. За войну же наград не было. Дело в том, что первый курс практически весь «остался» на рубеже Луги и Пулковских высотах, не пустив врага в город и навечно зачислен в списки училища! Второй курс был эвакуирован вместе с преподавателями в Баку, где в последствии был создан наш «филиал» – Высшее военно-морское училище имени Кирова. Но немцы рвались к Бакинской нефти, и практически весь вто-

рой курс погиб под «гусеницами» танков Клейста, не пустив немцев в Закавказье." Пятый" выпустили на флот лейтенантами, «третий» и «четвертый» проходили корабельную боевую практику старшинами и глав старшинами. Из двух курсов в живых осталось только три человека, одним из которых был наш профессор Николай Петрович Муру – уникальный человек, всю жизнь проживший по принципу " за себя и за того парня". Более подробно я расскажу об этом позже.

Вот и сейчас маршируя по Невскому и ощущая себя не только "приемниками славных побед и победителями", но и обласканными тысячами ленинградцев, приветствующих своих героев на всем триумфальном пути! Удивительным является то, что на протяжении пяти лет учебы 9 Мая всегда был теплым солнечным днем!?! И это в вечно хмуром по-балтийски городе!?! Вот и в тот праздничный день ярко светило майское и по-летнему ласковое солнышко, отражаясь солнечными зайчиками от золотых эполет и нашивок, орденов и медалей, боцманских дудок и надраенных блях, медно-хромированных духовых музыкальных инструментов и барабанов оркестра! Кажется, что весь Невский озарен каким-то божественно-патриотическим восторгом! Если хотите, даже каким-то сумасшедшим экстазом!?! Впереди строя, стараясь чеканить шаг, идет наш адмирал! За ним идут заместители и знаменная группа со Знаменем училища! Далее начальники факультетов и курсов, за ними «пятаки» молодежато чеканят шаг! Мы же едва успеваем за ними, иногда переходя

на «волну» с непривычки, но стараемся изо всех сил. За нами марширует наш знаменитый на весь флот оркестр! Такого больше нет ни у кого?! Иногда эти парни «вытворяют» такой джаз, что Гаранян отдыхает! Вот и сейчас они решили "добить публику" нашим фирменным «номером» и заодно взбодрить и поддержать нас – "Марш гренадеров"! В проигрышах мы дружно хором кричим: "Ох-хо-хо!" Публика в бешеном восторге! Нам под ноги летят цветы! Ленинградцы приветственно машут руками, смеются, хлопают дружно в ладоши, много детей. Вот одна маленькая девочка подбежала с большим букетом цветов к адмиралу и... замерла в нерешительности: "А вдруг этот серьезный и строгий дядька не такой уж и добрый, как говорила мама?" Но наш адмирал всегда "на высоте"! Лево́й рукой подхватив и усадив хохочущего от удовольствия ребенка, правой козырнув улыбающийся матери, пронес эту драгоценную ношу под всеобщий восторг и громкие аплодисменты публики! Счастливая девочка гордо восседала на своем адмиральском «ложе», приветственно махая маме и всем ленинградцам цветами: "Вот, видите, как я высоко взлетела! Мне от сюда все и всех видно и очень хорошо и радостно! Я счастлива и всем и всеми вами довольна!"

Но вот и знаменитый Адмиралтейский фонтан! Наши «богини», на своих хрупких плечах держащие весь земной шар. И конечно знаменитые центральные ворота Адмиралтейства, украшенные царским единственно непонятно как

уцелевшим российским двуглавым орлом!?! Ведь совсем рядом размещалась ВЧК по адресу – Гороховая,2!?! Впрочем, к чему нам превратности Судьбы! Ведь Жизнь прекрасна, как может быть прекрасна в своей беспечности Юность! Море смеется нам своей широкой жемчужной улыбкой, и мы улыбаемся в ответ! Мы скоро приедем к тебе и обязательно встретимся. Слышишь, Море, ты полюбишь нас?! Как мы любим тебя!!! До скорой встречи!

Глава 2. Жизнь парадная

Парад на Красной площади. Министр обороны, маршал, принимает парад и вместе с командующим Московским округом, генералом армии проезжают вдоль войскового строя и приветствуют участников парада:

– Здравия желаю, товарищи пехотинцы!

– Здравия желаем, товарищ маршал! – дружно и громко отвечает пехота.

– Поздравляю Вас с праздником...!

– Ура! Ура! Ура! – громогласно разносится над площадью.

Затем министр поздоровался поочередно с танкистами, моряками, десантниками и подъехал к последнему полку:

– Здравия желаю, товарищи чекисты!

Строй «синих» окольной злоеще молчит, и только один наглец из середины полка ехидно так отвечает:

– Здрости – здрасти, здоровее в тридцать седьмом видали!?

Анекдот

Итак, начинается действие второе. А вместе с ним и второй курс. Время надежд на лучшую жизнь и ожиданий. Наши старшины-командиры отделений, стали не только курсом старше, но и звание, и должностью – главными старшинами и заместителями командира взвода. Правда, старшиной роты

и главным корабельным старшиной поставили «хохла» с такой же украинской короткой фамилией. Об этом тоже есть анекдот о том, как молодой матрос-"карась" просит мать в письме купить поросенка и назвать его "старшина Гнатюк" и в конце письма такая вот приписка: " Мама, приду домой на ДМБ – зарежу тварь!" Вот и все наши надежды на лучшую жизнь на первой же зарядке?! Старшина роты «загнал» нас словно лошадей на скачках, пробежав два больших круга по Александровскому Саду и вбежав в Адмиралтейство, заставил еще, и «повисеть» на турнике. Нам, потным и пыльным, отказали в душе, заменив водные процедуры банальным укороченным по времени умыванием. Сам же демонстративно отправился в душевую, где «поплескался» всю утреннюю приборку и предстал на построении перед ротой таким «огуречком». На следующий день все повторилось в точности дня предыдущего, но с той лишь разницей, что мы умудрились обогнать даже первый курс!? Что по нашему статусу было оскорбительно! Намазав на зубную щетку пасту и взяв полотенце, с ухмылкой на лице, старшина проследовал в душевую. Это было сродни объявлению войны!? И ответ себя не заставил ждать! Но сначала было маленькое «предупреждение» – приклеили зубную щетку к полочке рундучка! Старшина был просто в ярости, пытаясь оторвать любимую щетку и сломав ее в конце концов, он умудрился перевернуть и сломать рундук! Но урок не пошел впрок, а только разозлил! Купив новую щетку, старшина решил добавить «обо-

роты», попутно раздавая наряды "вне очереди" и "не увольнительные". Секретом его «легкого» бега были кожаные сандалии подводников, у нас же на ногах были одеты тяжелые яловые ботинки, называемыми в народе за их недостатки и уродство «гадами». Вот это "секретное оружие" и было аккуратно прибиты к палубе мелкими сапожными гвоздиками и шурупами. Подняв роту на зарядку, старшина не смог быстро надеть свои «крылатые» сандалии и довольствовался белыми кроссовками. Только рота достигла центральных ворот, как тут же была остановлена первым заместителем начальника училища:

– Старшина роты, ко мне!

– Старшина тридцать второй «аз» роты, главный корабельный старшина...!

– Старшина, что это за гробовые тапочки у Вас на ногах? Не пререкаться! Доложите начальнику факультета и командиру роты, что за нарушение формы одежды я даю Вам трое суток ареста на гарнизонной гауптвахте! Что нужно ответить?

– Есть трое суток ареста! – у Гены было шоковое, почти обморочное состояние, что растерянно даже попытался "козырнуть".

– К «пустой» голове руку не прикладывают! Ведите роту в расположение обратно! – скомандовал старший офицер.

Вот это был удар "под дых" или "ниже пояса"! Такого оборота даже мы не ожидали?! Ситуация значительно улучши-

лась. Теперь мы совершали легкую пробежку и добежав до площадки, делали зарядку – разминку. И так продолжалось до середины октября, пока мы не отправились в свой первый заграничный поход – в демократическую Германию, которой в те дни исполнилось тридцать пять лет! Следует отметить, что для девятнадцатилетних парней этот поход был сродни невероятным приключениям, памятуя о том времени – начале восьмидесятых, а именно к тысяча девятьсот восемьдесят третьему году! Это теперь можно без видимых проблем объехать полмира, а тогда...? Впрочем, начнем все по порядку!

По прибытию в славный город Кронштадт, в расположение отряда учебных кораблей, мы неожиданно нежданно оказались свидетелями весьма драматического события – опознание двух негодяев, совершивших изнасилование девочки – подростка лет десяти или одиннадцати! Представьте себе огромный строевой плац, на котором в четыре шеренги выстроены пару тысяч матросов! Вдоль строя офицер ведет за ручку пострадавшего ребенка, которая очень внимательно вглядывается в напряженные и взволнованные от всего происходящего лица молодых моряков. Мы тоже не избежали этой печальной процедуры опознания, хотя только что приехали и никаким образом не могли совершить это дикое преступление. Прямо таки сцена из "Оптимистической трагедии" со старушкой и дерюжкой, да и в случае обнаружения негодяев, полагаю, что их ждала такая же печальная участь. А если бы девочка ошиблась? Впрочем, ребенок не указал ни

на кого из присутствующих тогда на пирсе. Негодяев обнаружили на танкере обеспечения вспомогательного флота, который заправлял корабли водой и топливом. Подонки просто носили тельняшки, робу и бушлаты, хотя и были «гражданскими». Да и было им по шестнадцать–семнадцать лет. Но ведь всем известно, что "моряк ребенка не обидит"! Эта аксиома, как известно не требующая доказательств, что и впоследствии так и подтвердилась! На этом печальные события и закончились, а продолжились только веселые...!

К корабельному распорядку мы еще не успели привыкнуть, так как в училище послеобеденный перерыв очень короткий, в отличие от корабельного "адмиральского часа". Не успели еще «отгреметь» ложки в столовой команды, как тут же «прошла» команда «по-низам»: "Швартовой группе построиться, ют – правый борт! По местам стоять, корабль с правого борта принимать!" Мы высыпали на верхнюю палубу, благо что был один из последних теплых солнечных октябрьских деньков. И настроение было под стать погоде – прекрасное! Базовый тральщик, выйдя из ремонта, швартовался по правому борту к свободной стенке. Но этот относительно простой маневр у небольшого по флотским меркам кораблика не особенно и получался. И прежде всего «благодаря» неумелым действиям боцмана тральщика – молодого мичмана, которые вызывали только смех у всех присутствующих участников и многочисленных зрителей. Самого же виновника торжества тот гомерический хохот только злил, и

это приводило к еще большим «ляпам» боцмана. В правой руке он держал пистолет для подачи швартового линя, в левой – «матюкальник». Однако последним приспособлением не пользовался, а полагался исключительно на силу голосовых связок, от чего уже порядком охрип. Но беда была именно в том, что своей правой рукой он никак не мог дострелять линь на причал, а если конец и долетал до стенки, то под действием силы тяжести оказывался снова в воде. Наконец, после нескольких неудачных попыток, швартовой группе все же удалось завести один конец на носовой кнехт, на кормовом же конце линь был еще короче... Зрители смеялись и улюлюкали этому "бесплатному цирку на воде". Один из матросов с борта крикнул, чтобы подтянули корабль ближе к стенке за носовой конец, а уж затем завели кормовой конец. Совет, в общем-то, был дельным, но реакция боцмана на него просто уморила всех со смеху! Он поднес к губам доселе ненужный мегафон и громко крикнул советчику:

– "Пошел на х..., мальчик! Папу своего будешь учить еба...ся!"

Швартовая группа, уже успевшая ухватить брошенный удачно линь, попадали на причал и стали просто кататься по нему от хохота, не в силах разогнуться. Однако, к их чести, конец из рук уже не выпустили, и вскоре тральщик благополучно был пришвартован к пирсу! На этом, собственно, представление кончилось, впрочем, как и «адмиральский» час. Но видно, что это еще не сказка, а присказка! Сказка бу-

дет впереди! Флотский порядок подразумевает послеобеденное построение (по окончанию адмиральского часа) и развод на работы или занятия. Вот и мы собирались посетить подлодку шестьсот сорок первого «буки» проекта, находящаяся в доке судоремонтного завода. И так как пришлось бы идти через город, то одеться следовало по "первому сроку". Мы с Юркой оделись заранее, а посему находились на верхней палубе и стали свидетелями очередного "циркового действия". На верхнюю палубу тральщика из «низов» вылез «качек» с небрежно наброшенным на широкие плечи бушлатом с «лычками» старшины второй статьи. Следом, полу-согнувшись, появился молодой «карась», неся в руках перед собой полутора пудовую гирию. Поставив свою ношу рядом со старшиной, он снова нырнул вниз и вынес вторую гирию. Скинув небрежно бушлат на визирную колонку и оставшись в одной лишь полосатой маечке, старшина размялся немного и взял обе гири на «пупок». Раз-два, раз-два! Гири то попеременно, то вместе взлетали вверх. Раз... и левая рука предательски задрожала!? Бац!!! И гирия с грохотом покати-лась по фанерной палубе тральщика! раздался неприятный треск по всему маленькому кораблику.

– ...прекрати сейчас же! – закричал мгновенно появившийся на «верху» боцман.

– Замолчи, сундук, не ори так! Эй, Пупкин, занеси в «низа» гири"! Я на вахту!

Старшина снова небрежно накинул на плечи бушлат и от-

правился на корму. Где-то внизу кричал боцман:

– Пупкин! Почему паелы в машине не надраены?! Что это за ржавый болт торчит? Где у него гайка? Чтобы все тут блестело, и гайку закрути! Ясно?

– Так точно, товарищ мичман!

Мы уже стали спускаться по трапу на пирс, когда с тральщика выбежал «карась» и побежал в сторону стоящей неподалеку плавмастерской. Навстречу ему вальяжной походкой шел по причалу старший лейтенант.

– Куда собрался, Пупкин? – спросил офицер.

– Товарищ мичман отправили в мастерскую, за гайкой, товарищ командир! – козырнув, ответил матрос.

– Давай беги, но только быстро назад! – ответил офицер и направился к тральщику.

Облокотившись на кормовую пушку, старшина вдруг выпрямился и заорал во все горло:

– Смирно!

Взбежав быстро по трапу и отсалютовав приветствие флагу, командир корабля ответил:

– Вольно!

– Товарищ командир! Ну когда на «ДМБ» уйду? – даже как-то жалобно заскулил вахтенный.

– Успеешь...! На «ноябрьские» дома с девками будешь встречать! А пока готовь молодых!?

Сказав это, офицер отправился в ходовую рубку тральщика. На этом первое знакомство с «соседями» и первое «цир-

ковое» действие и закончилось.

Почему именно мы с Юркой раньше всех переоделись в «чистое»? Да потому, что нас об этом персонально «предупредил» наш командир Афанас. Мы были дневальными и, если честно, не на какую экскурсию не собирались. Но наш командир роты настоял, чтобы и мы отправились на осмотр лодки, так как "будучи командиром аналогичной по проекту подлодки и находясь на боевой службе в Средиземном море, Афанас сумел потушить возникший на борту пожар, привести раненный корабль в базу и при этом не потерять никого из экипажа"! Этим подвиг был отмечен орденом Красной звезды, который капитан второго ранга Афанасьев носил на правой груди, а чуть выше располагалась командирская "лодочка со звездой" – знак принадлежности к флотской элите! Именно таким вот командирам Владимир Высоцкий и посветил свою знаменитую песню "Спасите наши души...». А посему, так как мы с Юркой являемся "ответными разгильдяями и раздал баями, то нам будет крайне полезно ползать по лодке и прочувствовать всю меру ответственности и тяжести флотской службы..." Я уже раньше бывал в Кронштадте. Мне нравится этот опрятный и в меру чопорный городок! Майской весной и «бабьей» осенью, покрывшись яркими нарядами природы Кронштадт особенно красив и даже чуть-чуть поэтичен!

Подводная лодка, будто огромный кит, оказавшийся выброшенным на сушу, «оправдала» наши худшие опасения.

Кажется невероятным то, что в таких "ф. скотских" условиях люди способны находиться месяцами и под водой?! Но особенно, как я уже отмечал выше, меня больше всего поразила четырех местная коморка – офицерская каюта с тремя лежаками-"люлями"?! На мой «глупый» вопрос по поводу неправильной арифметики механик ехидно ухмыльнулся и ответил, что один, мол, "всегда на вахте!" Вот это аргумент! Быстро осмотрев корабль и "выразив свое восхищение и благодарность за предоставленную экскурсию", мы оставшееся до ужина время погуляли по городу и вернулись на «Перекоп». На этом наш первый походный день собственно и закончился. С утра началась лихорадочная пред походная подготовка сродни переезду или новоселью. Казалось, что часы ожидания отъезда тянутся крайне медленно: "... как ждет любовник молодой минуты верного свидания". Примерно в полдень снова прозвучала команда по кораблю: " Швартовой группе построиться на пирсе! По местам стоять – корабль с правого борта отдавать!" Нужно отметить, что Балтика до сих пор нашпигована различными минами и боеприпасами, оставшимися в «наследство» от трех войн, точно суп с фрикадельками?! Так что у тральщиков всегда полно очень нужной, но крайне опасной работы. Вот почему их и делают из многослойной водостойкой фанеры?! Не броня, конечно, но «пропалывать» многочисленные минные поля как-то безопаснее. Итак, тральщик отправлялся на первое после ремонта боевое траление. Точно гигантские сверчки, засви-

ристели мощные дизеля и провернулись новенькие гребные винты кораблика. Быстро и ловко наши боцмана «отдали» швартовые «концы», и так же сноровисто старшина их принял и намотал на барабаны и закрепил петли на буксировочные кнехты.

– Левая – табань! правая – малый вперед! – скомандовал командир тральщика. Кораблик вздрогнул, словно гигантский тюлень или морской лев, как-то нервно задрожал, но... остался топтаться на месте.

– Что за черт?! – удивился старлей и крикнул. – Боцман! Почему еще швартовые не убраны?

– Уже убраны, товарищ командир! – доложил мичман, все же подбежав на правый борт, чтобы еще раз лично в этом убедиться.

– Что за черт!?! – выругался громко офицер и скомандовал. – Обе машины – малый вперед!

И снова тральщик вздрогнул, задрожал всем корпусом и... забуксовал на месте, беспомощно молотя под водой своими винтами. Мы отложили " в сторону" все свои дела и с интересом стали наблюдать второе представление цирка на воде – "Бой человека и машины или коррида по-флотски!"

– Мичман, что происходит? Что это такое?

– Не могу знать, товарищ командир! Может что-то с дизелями? – как-то неуверенно ответил мичман.

– А что с ними может быть? С ди-и-зел-ля-ми?! – даже с каким-то сарказмом ответил вопросом на «дурацкий» во-

прос офицер и тут же скомандовал. – Обе машины – полный вперед!

Кораблик взревел дизелями, выпустив гигантское облако синего дыма, задрожал всем корпусом и рванулся с места... Раздался страшный треск и грохот! Дым рассеялся, и... перед удивленными зрителями открылась картина сражения! В правом борту тральщика зияла огромная дыра и, казалось, что можно наблюдать «анатомическую» жизнь кораблика. Эдакая собачка Павлова! Часть же обшивки правого борта осталась висеть на стенке пирса на анкерном болте и старательно прикрученной на него гайке, отполированной до зеркального блеска! Зрители просто попадали от смеха на месте! Казалось, что даже злополучные гайка с болтом смеялись над незадачливыми мореходами, сверкая веселыми яркими солнечными зайчиками. И Море улыбалось вместе с нами своей ласковой и милой улыбкой! Я на секунду представил удивленные лица корабелов, когда они снова увидят злополучный тральщик в Петровском доке, сданный флоту всего лишь два дня назад?! И от этой мысли рассмеялся еще громче и задорнее! Конечно не до смеха и веселья было только экипажу тральщика. Но, как говорится, век живи и век учишься! Не можешь учиться на чужих ошибках, учишься, но своих! Да и мы усвоили этот урок флотского разгильдяйства на всю оставшуюся Жизнь!

После обеда прибыли наши «пятаки» на соседнюю «Лугу». Для них это уже был второй заграничный поход. Пер-

вый был, кажется, то ли в Марокко, то ли в Алжир. Короче, им предстояло особое задание – секретное! На следующее утро наконец-то мы вышли в море! Балтика, подобно желчной и склочной старухе, встретила нас не то чтобы неласково и даже не дружелюбно, а прямо таки враждебно. Штормовыми ветрами и ураганами! Маленькая «Луга», шедшая в кильватере, то взлетала на гребень огромной волны, то падала в пропасть морской пучины. Эдакая ныряющая подводная лодка!? Да и для «Перекопа» и его экипажа это было настоящим испытанием! И, к сожалению, не все вышли из него с честью!? Неимоверно трудно пришлось вахтенным и вестовым, особенно последним. Ведь балансировать, держа в руках горячие лагуны с супом и кашей, по то уходящей из-под ног, то вдруг набегающей на тебя палубе, крайне трудно даже цирковому акробату или эквилибристу, а тут...? Мне пришлось пройти это сложнейшее испытание только на третий и последний штормовой день нашего перехода. На удивление, но мы с Юркой даже очень легко пережили безумную качку, не испытав приступов «морской» болезни, в отличии от наших одноклассников. На четвертое утро нашего похода учебные корабли вошли в территориальные воды ГДР и встали на внешний рейд Варнемюнде – немецкой «Венеции»! На завтраке присутствовали из всего класса только мы с Юркой, да и за соседними столами было немного едоков!? Огромных усилий стоило нашему командиру поднять курс на большую приборку. Ведь просто стыдно входить в иностранный

порт в таком жалком и плачевном виде!/? Прямо перед обедом отшвартовались у стенки причала. Стоя в приветственном каре и торжественно отсалютовав, перед нами открылся вид Германии сказочной красоты! Что-то такое из Андерсена или братьев Гримм! Маленькие, одетые в гранитный панцирь, каналы с прозрачно-бирюзовой водой и плавающими белыми и черными лебедями, узкие каменные улочки с готическими домиками с дымовыми трубами, из которых вот-вот должны вылезти сказочные трубочисты или волшебники. Я был уже в Прибалтике, но эти первые впечатления от увиденной Германии существенно отличались от прибалтийских! Вот она – вожденная за граница! Все здесь даже не особенное, просто другое, удивительное! Свежий морской воздух, чистая прозрачная вода у причалов и конечно люди-немцы! Немцев я привык воспринимать больше как врагов и по кинофильмам и по истории, потому-то и в школе стал учить английский, так как немецкий язык "больно резал" мой музыкальный слух! После кратенького инструктажа о поведении "строителя коммунизма" за границей мы отправились в город Росток на дизельной «электричке» из Варнемюнде. На вокзале, в ожидании пригородного поезда, встретили «позеленевших» от качки «пятак» и ознакомились с автоматами по продаже сигарет и... презервативов!/? Гениальное, нужно отметить, изобретение! Всего за десять пфеннигов (пять копеек) и столько восторгов! Небольшой, по европейским меркам, Росток очень понравился, особенно старинные го-

тические улочки Ратушной площади и Собор, университетский комплекс пятнадцатого века и знаменитый фонтан... с писающими чугунными поросятами!? Но, несмотря на "дыханье старины глубокой", чувствовалось, что население городка очень молодое и спортивное! Множество спортивных сооружений, только плавательных бассейна было построено целых четыре, причем один из которых сделали специально с искусственной морской волной!? При населении города в четверть миллиона человек, на каждую тысячу жителей приходилось по одному олимпийскому чемпиону, причем, многие на тот момент были действующими!? Но, несмотря на столь впечатляющие успехи в области здорового образа жизни, нас манил в свои волшебные сети его Величество Порок, а точнее неумное желание попробовать настоящего немецкого свежесваренного пива! И конечно, уговорить Сливу «опрокинуть» по кружечке пивка в баре не составило никакого труда. Тем более, что только что из бара вышли счастливые наши «пятаки», щедро делясь восторженными впечатлениями от дегустации немецкого хмельного напитка! Вместо зеленоватого корабельного налета на их лицах царствовал веселый здоровый румянец! Несмотря на относительно дешевые цены в восточной Германии и исходя из более чем скромного бюджета, мы заказали по порции сосисок и паре кружечек пива. Напротив нас очень даже нескромно расположился толстый красномордый немец лет пятидесяти или чуть старше. Такой точно мог еще воевать

с нашими дедами или же состоять в "Гитлерюгенд"! У нас в городе одна из улиц носит имя Героя Советского Союза Казакова. Вот такой «орел» из «Гитлерюгенд» с фаустпатроном зашел восьмого мая сорок пятого года в зал, где победители отмечали День Победы и... ухнул! Двадцать два советских офицера отдали Богу душу, из которых было восемь Героев! Наблюдая за самодовольным «фрицем», больше похожим на огромного морского окуня, мы обратили внимание не только на «зверский» аппетит немца, но и на неумеренное поглощение им халявной горчицы. Причем, последнюю он намазывал на сардельки слоем примерно с палец толщиной!? Мы переглянулись с Русиком и Устинычем, и у нас тут же в головах созрел план возмездия!? Нужно отметить, что горчица в немецких барах как ядреная горькая, так и «съедобная» сладкая подавались в одинаковых соусницах с разными по цвету крышечками. Нужно было лишь как-то отвлечь немца? Руслан, встав из-за стола и отправившись в галюнь, как бы ненароком задел вилку немца, которая упала со звоном со стола на грязную палубу. Извинившись перед «фрицем», Русик повернулся к нам, улыбнулся, подмигнул заговорчески краешком глаза и отправился по своим делам. Немец поднял с пола вилку, поднялся из-за стола и отправился за новой вилкой к стойке. Отсутствовал он совсем немного времени, однако этого нам с Устинычем вполне хватило, что бы поменять местами колпачки!? Явился "морской окунь", уселся за свой стол и потянулся к соуснице... На-

мазав сосиску толстым слоем уже «заряженной» горчичкой, он раззявил свою огромную жадную пасть и сунул в нее "запал"! Раздался «взрыв»! Как говорил у меня в группе старшина команды азербайджанец Алик:... И слюни брызнули у Кузи из глаз!" У «фрица» из всех щелей брызнули и слюни, и сопли, и слезы! Он вообще напоминал теперь уже точно "огромного пучеглазого окуня, выброшенного океаном на сушу и жадно глотающего своим огромным ртом воздух"! Хорошо, что мы уже "справились со своим домашним заданием" и весело, по воробьиному выпорхнули на улицу! всю дорогу до корабля мы смеялись над немцем и веселились от души! на этом наш первый день на немецкой земле и закончился. После завтрака отправились в город Штральзунд, в военно-морское училище, на экскурсию. Вполне симпатичное учебное заведение! В отличии от наших учебных военных заведений, где применена казарменная ("кубриковая" по-флотски) система обучения, училище в Штральзунде больше напоминало наш гражданский ВУЗ с некоторыми элементами военно-морской экзотики: форма, распорядок дня, специальные предметы и прочее. Однако эта экскурсия оказалась весьма полезной в плане общения с немецкими сверстниками и "как это у них поставлено"?! Посетили несколько классов и лабораторий, потом был небольшой митинг "Дружба – Фрольшафт" и в окончании представления совместный праздничный обед! В прекрасном расположении духа мы отправились в расположение бригады траль-

щиков, расположенной в пригороде Штральзунда. Интересно ознакомится с немецким опытом боевой подготовки на немецком флоте!?! Ведь бригада расположена вблизи вероятного противника и театра возможных военных действий!?! Значит, как нам тогда казалось, мы увидим задерганных до автоматизма тренировками и тревогами немецких моряков, готовых по первому звонку вступить в неравный бой?! На деле же вся действительность оказалась обыденно мирной! Организация базирования бригады отличалась четкой продуманностью и немецкой педантичностью. Нечто подобное я наблюдал позже во Вьетнаме, на бывшей американской базе в Камране. Но что особенно меня поразило и продолжает поражать, так это чистота мест базирования и морской акватории рейдов за границей! Не считается зазорным убирать за собой собственное дерьмо, как это непринято на советском и российских флотах и в наших портах!?! Вот и на первом же тральщике, который мы посетили, шла влажная уборка. В отличии от наших порядков, немцы были одеты в непромокаемые гидрокombineзоны и соблюдали что-то вроде техники безопасности. Окончив приборку, они переоделись в «чистое», отдаленно напоминающее нашу форму. И сразу с ними произошла метаморфоза! Из неразговорчивых и неприветливых «чурбанов» немцы превратились в приветливых и гостеприимных хозяев, с удовольствием показывая нам свой корабль и условия быта! А они были и впрямь замечательными! В немецкой армии и авиации служили полто-

ра года, на флоте уже два. Причем, после первого года службы можно поступать в высшее учебное заведение. Если в военное, то очно, в гражданский ВУЗ только заочное обучение. Неплохо бы было перенять сейчас немецкий опыт, тем более, что в настоящее время наблюдается кризис социальных идей. Пытаются изобрести велосипед, а решение лежит на поверхности! Но вернемся в тысяча девятьсот восемьдесят третий год. Один немецкий моряк, открыв свой рундучек, похвалился мне его содержимым. На внутренней стороне дверцы были наклеены фото полуобнаженной и обнаженной смазливой девицы: "Май фройляйн"! Внутри металлического ящика лежала... "гражданка"! Немыслимая вольность по советским меркам! Немец объяснил, что практически каждую субботу (если не на дежурстве) моряки отправляются в увольнение домой до утра понедельника, но обязательно в «гражданке», которую хранят в рундуках прямо на корабле!? Демонстрируя нам это невероятное для советского флота «явление», один морячок также показал весьма пикантные фото, наклеенные на внутреннюю дверцу его рундучка: "Май фройляйн!" Это уже было за гранью нашего сознания! Не служба, а лафа какая-то! Под впечатлением от всего увиденного мы вернулись на «Перекоп». "Пятаки" отбыли в столицу ГДР – Берлин! Нужно отметить, что при проведении демонстраций и государственных праздников, "пятаки" - "Дзержинцы" всегда охраняют правительственную трибуну в Ленинграде в качестве почетного караула! Вот и

при проведении празднования тридцати пятилетия ГДР наши «пятикурсники» были приглашены в качестве почетного караула охранять центральную трибуну, где помимо немцев присутствовали "почетные гости и руководители из братских стран, и многочисленные зарубежные гости!" Мы же в этот праздничный и солнечный день отправились на экскурсию в Саксонию, в город Дрезден! Следует здесь отметить, что командование училища уделяло огромное внимание культурному и духовному воспитанию будущих офицеров флота. Помимо штатных занятий по специальному предмету "Этика и эстетика" проводились многочисленные культпоходы и экскурсии по музеям, выставкам, театрам и даже в цирк! Питер, безусловно, является "культурной столицей" и "музеем под открытым небом", а посему учиться в таком городе и не интересоваться культурными «новинками» правило дурного вкуса и тона! У нас в училище это называлось "лечением от серой болезни"! Наш адмирал говорил примерно так: "Если вы не будете ходить в музеи и театры, то вы станете серыми, как штаны пожарного!" Такие люди вызывали у нашего эстета – адмирала "низшую точку собственного падения и отворачивания со стороны общества"!

Оставшиеся до отхода в Союз дни проводили в Росток. Вернулись «пятаки», и мы снова «окунулись» в бурную Балтику. Но на этот раз Море встретило нас не так сурово, хотя и потрепало и «побранило» слегка, как встречает трезвая жена своего припоздавшего пьяненького мужа!? Снова осен-

ний красавец Кронштадт! «Пятаки» успели уехать в училище, а мы в ночь на шестое ноября снялись с якоря, вошли в Неву и встали напротив Адмиралтейства и Медного всадника для участия в военно-морском параде! Должен отметить, что это был самый лучший по красоте организации проведения и праздничной атмосфере парад из всех мной увиденных! Поэтому обо всем мною увиденном я и поведаю более подробно! С самого утра шестого ноября начались «кричалки», то есть тренировки приветствия командующего морским парадом. И нам с Юркой срочно пришлось "заболеть шланги том", то есть «откосить» на дневальстве. Тем более, что погода была "истово балтийская", то есть с Невы дул пронизывающий холодный ветер, неся на город свинцовые снеговые тучи. Одним словом, не больно-то и хотелось горланить "наверху"! Седьмое же ноября выдалось на редкость солнечным и относительно теплым! Вот уж действительно "красный день календаря"! В кубриках и каютах царила суматоха и предпраздничная суета! Сразу же после завтрака дали сигнал к общему построению на юте: "Команде построиться на юте! Форма одежды...!" И сразу загрели по трапам и палубам матросские ботинки, ведь команды на корабле выполняются "бегом"?! Наконец, экипаж построился! Офицеры в парадных шинелях, при «дубках» и кортиках отдают последние приказы и указания, придирчиво осматривая своих подчиненных. Наконец, звучит команда старпома:

– Экипаж, смирн-оо! Равнение на-(пауза) право! Товарищ

командир! Экипаж учебного... построен!

Командир не спеша прошел по правому шкафуту, остановился на входе на ют, принял доклад и громко крикнул:

– Здравствуйте, товарищи!

– Здравия желаем, товарищ командир! – на одном выдохе крикнули моряки.

– Поздравляю Вас с праздником Великого Октября!

– Ура! Ура! Ура!

– Молодцы! Хорошо отвечаете!

– Служим Советскому Союзу!

Практически тоже самое действие проходило на всех кораблях, участвующих в параде. Флагманом в кильватерном строю стояла легендарная «Аврора», затем старые «дизельюшки». За подлодками стоял СКР "одиннадцать тридцать пятого" проекта практически напротив Петропавловки и до Дворцового моста. За мостом, напротив Адмиралтейства, расположились «мы», то есть «Перекоп». Затем стоял тоже учебный корабль «Смольный», затем мост лейтенанта Шмидта и далее впервые на параде "новострой"-эсминец «Современный»! Тогда я еще не догадывался, что с этими кораблями будет связана моя дальнейшая флотская служба!? Ну а пока... Пока все ждут начало парада и с любопытством рассматривают толпы народа на набережной, пытаюсь узнать знакомых или высматривая симпатичных девушек. Вот из-за угла на набережную вышел строй какого-то пехотного училища, цокая подбитыми железом подошвами сапог, одетыми

в мохнатые серые шинели и шапки-ушанки, и шедшие "кто во что горазд"!? Прямо колхозное стадо какое-то! За этих горе-вояк стало неловко и даже стыдно!? Но вот на мосту Шмидта показался парадный полк училища имени Фрунзе! Впереди знаменная группа с белоснежно – синим флагом училища, украшенным орденскими лентами, затем два парадных батальона четвертого в «мичманках» и третьего курса в бескозырках, а замыкал парадный строй духовой оркестр!

Сигнал к началу военно-морского парада и к торжественному подъему флага застал «Фрунзачей» на марше как раз напротив нашего корабля:

– На флаг, гюйс, флаги... смирно!

– Полк – стой! Нале – во! На флаг – смирно! – это командир «Фрунзачей» (ВВМУ им. Фрунзе) остановил парадный строй.

– Флаг, гюйс и флаги... поднять! – заиграла корабельная труба и флаги торжественно взвились вверх.

– Вольно! – прозвучал корабельный "отбой".

– Полк! Равняйся! Смирно! Напра – во! К торжественному маршу – шагом...!

– Экипаж, на флаг училища... смирно!

– Марш! – оркестр грянул «Варяг», и полк в едином порыве, твердо чеканя шаг и ровняясь на корабли просто «воспарил» над беснующейся в восторженном экстазе набережной. Детвора радостно и приветливо махали разноцветными

флажками и воздушными шарами, женщины задорно смеялись и кидали марширующим военным морякам цветы, лукаво улыбаясь. Мужчины же, оценив "красоту маневра", восторженно и восхищенно что-то кричали. Было много иностранцев, и весь этот многоголосый «Вавилон» напоминал восторженный и ревущий стадион, вдруг в едином порыве выплеснувший лаву эмоций и страстей! «Фрунзенцы» гордо продефилировав мимо ревущей толпы, влились на Дворцовую площадь и «растаяли» среди участников парада. Затем начался военно-морской парад! Все было как обычно! Белоснежный адмиральский катер объехал корабли, поочередно здороваясь и приветствуя экипажи, с торжественной речью к морякам обратился командир Ленинградской военно-морской базы адмирал Егоров и его нач. ПО. Вечером был салют, причем салютовали не только пушки Петропавловки, но и корабли, включая и «Перекоп»! Ночью снялись с якоря, и ушли в Кронштадт. После плотного флотского завтрака отбыли в училище, на чем, собственно, немецкие каникулы и закончились?!

И все же «немцы» умудрились мне дважды «поднасрать» и по причине моей же собственной глупости, причем в первом случае это "г... но" едва не стоило мне учебы и "дальнейшего прохождения службы на Краснознаменном Северном флоте матросом"! Мог бы я даже подумать при выборе темы курсовой работы по истории флота "Боевые действия немецких подлодок в 1939–1945 г.г." еще в сентябре, то есть

перед походом в Германию (именно этим обстоятельством и был продиктован мой выбор), что в декабре получу такой скандальный казус!? В училище была потрясающая библиотека и не только публичная, но особенно «секретная». А так как я был «секретчиком» на протяжении всех пяти лет учебы и имел допуск даже к документам с "тремя нулями", то есть "особой важности", а уж к закрытой иностранной литературе "для служебного пользования" само собой разумеется. Помимо английских, американских, французских историков были мемуары Мантейфеля, Манштейна и Карла Денница (фюрера подводного флота и приемника Гитлера), но даже переведенная на русский "Май кампф" и другие работы, выступления и статьи Гитлера?! Именно цитаты из этих статей в качестве эпитафии и аргумента, просто пугающая своими ужасными размерами статистика потерь союзников, а так же детально расписанные отдельные успешные операции и тактические успехи немецких подводников привели не только меня, но и моих преподавателей в шоковый ступор?! В частности, в рождественской речи в Нюрнберге (1942 год) Гитлер восхвалял героическую армию Паулюса в Сталинграде, "борющуюся с большевистскими полчищами на Волге" и сравнивал ее успехи с успехами немецких подводников: "...". Если бы у меня на начало войны было бы не пятьдесят пять подлодок, а пятьсот пятьдесят, как сейчас, то я бы перетопил весь союзный флот – и Англии, и Советов, и США! Я устроил бы Черчиллю настоящий «Сталинград» на море!"

Разумеется, что "фашистский недобиток", "империалистическая марионетка" и прочие ярлыки советской идеологии были самыми «лестными» отзывами в устах моих преподавателей!? Это были два пожилых капитана первого ранга в отставке, ветерана Великой отечественной войны и потерявших на этой самой войне не только родных и близких, но и столько друзей! Да и где "этот щенок учится"? В самой "Дзержинки"! В Ленинграде?! В городе, где на одной только Пескоревке похоронено более миллиона жертв минувшей войны!? Короче, скандал получился нешуточный! Мой злополучный «курсовой» рассматривался на партсобрании училища, которое поручило "детально разобраться во всем партийному комитету и коммунистам кораблестроительного факультета и принять меры..."! Повторения прошлогодних событий, то есть самоубийства курсанта по идеологическим мотивам командование училища не желало и не допускало! Гораздо проще было бы "отрезать ломоть с глаз долой, на флот". С другой стороны, тема реферата была в официально разрешенном списке утвержденной учебной программы для высших учебных заведений (правда, за все время обучения никто эту тему не выбирал?!) и оснований для отчисления из училища нет?! Спас меня, как это фантастически не прозвучит... министр обороны Дмитрий Федорович Устинов, точнее его неожиданный приезд в училище! "Железный нарком" и "советский Пиночет"! Еще в конце ноября нас ознакомили с двумя сов. секретными приказами по уси-

лению воинской дисциплины и состоянию дел в армии и на флоте, а офицеров еще с двумя – по состоянию дел в Афганистане и усилению противодействия активизации деятельности иностранных разведок(!). Все эти приказы с двумя нулями были подготовлены аналитиками КГБ и давали огромные права и полномочия органам контрразведки в отношении военнослужащих. Буквально разгромив МВД и Щелокова, чекисты «взялись» за армию и Устинова, которые реально противостояли Андроповской инквизиции. Многие знают о деле Соколова и Трегубова, но о расстрелах нескольких начальников тыла армий, флотов и военных округов!? О деле "предательства и измены Родине военных советников в Афганистане" немного написано Артемом Боровиком в его "Фронтном афганском блокноте журналиста"?! Но все же в семье не без уродов! Погибает в Индии наш выпускник и военно-морской атташе капитан второго ранга Иванов, который сумел вычислить предателя и самого ценного агента ЦРУ, работавшего под псевдонимом «Бриллиант». Им оказался наш старший военный советник и резидент в Индии, генерал-майор ГРУ Смирнов, встречавшийся со своим куратором-резидентом ЦРУ в Индии во время киносеансов в беднейших кварталах. Во время такого «свидания» Иванов вычислил предателя, но сам был замечен группой прикрытия американцев и убит! А через две недели была убита Индира Ганди! Позже предателя, уже преподавателя в академии разведки имени Советской Армии, разоблачат и расстреля-

ют! Но если «Бриллиант» предавал по «идейным» соображениям (работая после войны в Австрии у него умер малолетний сын: советские врачи ничего сделать не смогли, а к австрийским медикам обращаться запретили в силу специфики работы), то чета Сметаниных в Португалии – исходя из сугубо меркантильных интересов!? Португальская полиция «зацепила» супругу резидента на банальной магазинной краже – женщина так напугалась, что вербовка сначала англичанами, а потом и американцами не составила никакого труда. Некоторое время жене удавалось незаметно для мужа выуживать кое-что «интересное», тем более, что Сметанин являлся не просто резидентом советской разведки в Португалии, но и «курировал» испано-говорящие страны в Латинской Америке и "Южный фланг НАТО": Испанию, Италию, Португалию, Грецию. Сознавшись в измене, женщина сумела убедить предавать и супруга – офицера ГРУ!? «Взяли» их при очередном приезде в отпуск на Родину, в поезде «Москва-Адлер», когда они, ничего не подозревая, ехали в сочинский санаторий. На их совести было с десятков выданных и замученных контрразведками стран Америки агентов – большей частью кубинских! А эта "сладкая парочка" просила только одного – сохранения жизни! «Чекисты» поступили с ними весьма оригинально: живыми положили их в закрытые гробы, которые поместили в сырые холодные провизионные камеры!? Могу себе представить пробуждение супругов в этих деревянных "скафандрах"! Через несколько

часов крышки гробов открыли. Женщина была еще жива, но сильно постарела и "подвинулась рассудком", Сметанин же лежал в гробу лицом вниз и был мертв! Врачи констатировали смерть от разрыва сердца. Позже Сметанина умрет в одной из психлечебниц, пережив мужа всего на несколько месяцев! Впрочем, нас не «прикальвают» печальные истории с грустным концом, а посему не будем больше об этом писать!

В один из прекрасных солнечных дней, в начале декабря тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, когда почти все мы были на занятиях (не считая вахты), часов эдак в одиннадцать началась непонятная суета. К нам едет «ревизор», а точнее будет сказать, Министр обороны!? Если бы об этом визите было бы известно заранее, эдак дней за десять – тридцать, то наша вольная жизнь превратилась бы из рая в ад! Но не таким был наш "железный нарком" – министр Д. Ф. Устинов! Борец со всякого рода очковтирательством и «потемкинщиной», он появлялся неожиданно и нежданно. Строго спрашивал с нерадивых «отцов-командиров», щедро поощрял отличившихся! В этой правде и была жизненная сущность и кредо этого великого человека, создавшего ВПК и оборонный щит не только Советского Союза, но и современной России!

– Училище, смирно! Товарищ Маршал Советского Союза! За время моего дежурства происшествий не случилось!... Дежурный по училищу, капитан первого ранга Короленко! – нам, находившимся на третьем этаже центрального здания,

было все слышно, так как рапорт отдавался достаточно громко.

– Товарищ Маршал Советского Союза! Начальник Высшего военно-морского ордена Ленина училища имени Ф. Э. Дзержинского контр-адмирал Кудрявцев!

– Т...! Первый заместитель начальника училища капитан первого ранга Питулайнен!

– Т...! Начальник политотдела училища капитан первого ранга Резвых!

– Вольно! – даже как-то буднично, «по-домашнему» ответил министр.

– Вольно! – громкоголосо продублировал маршала дежурный.

– Здравствуйте, товарищи! – за руку со всеми поздоровался Устинов и, обратившись к адмиралу, сказал:

– Виктор Федорович! Можно Вас на минуточку!

Обсудив «накоротке» план дальнейших мероприятий, Устинов, адмирал и сопровождающие министра офицеры отправились в "адмиральский кубрик". Перемещаться по училищу было приказано исключительно только строем. Было очень прикольно наблюдать за «пятакими», которые будучи уже на преддипломном проектировании, шли «гуськом» с большими чемоданами и металлическими тубусами строем, точно грузчики на Московском вокзале: "Держи баул – вокзал отходит!" После занятий было назначено общее построение личного состава училища.

– Училище, смирно! – Первый заместитель немного нервничал. – Равнение, на право! Товарищ контр-адмирал! Личный состав училища по Вашему приказанию построен! Первый зам...!

– Здравствуйте, товарищи!

– Здравия желаем, товарищ контр-адмирал! – дружно ответили мы. И практически сразу же со стороны центрального входа вышел Устинов и сопровождающие его офицеры.

– Училище, равняйся! Смирно! Равнение на право! – Голос у адмирала немного задрожал от волнения.

Твердо чеканя шаг на скользком плацу, он двинулся навстречу министру: "Из пункта А в пункт Б..." Где-то посредине пути они встретились. Нам "на шкентеле" их встречу практически было не видно, зато хорошо слышно:

– Товарищ Маршал Советского Союза! Личный состав Высшего военно-морского ордена Ленина училища имени Феликса Эдмундовича Дзержинского по Вашему приказанию построен! Начальник училища – контр-адмирал Кудрявцев! – адмирал, отдав рапорт, сделал шаг вправо, затем два шага вперед, повернулся «кругом» и оказался за спиной у министра. Оркестр «грянул» "Встречный" марш. Министр и сопровождающий его начальник Училища прошли вдоль всего строя, повернулись «кругом» и остановившись примерно посередине плаца. Оркестр смолк.

– Здравствуйте, товарищи "Дзержинцы"!

– Здравия желаем, товарищ маршал Советского Союза! –

дружным хором ответили мы так громко, что показалось, будто «оглохли» даже старинные стены Адмиралтейства.

– Благодарю за службу и успехи в учебе и подготовке офицерских кадров для нашего флота!

– Служим Советскому Союзу! – «эхо» растаяло где-то на Дворцовой площади.

– Училище, на флаг... смирно! Флаг внести! – Питулайнен был сегодня в роли начальника строевого отдела и "распорядителем марлезонского балета". Оркестр снова заиграл «Встречный» марш. От рубки дежурного по училищу показалась знаменная группа. Как правило, это курсанты четвертого курса примерно под два метра ростом, очень атлетичные и практически как близнецы, похожи друг на друга. Смотрелись они очень эффектно. По центру на фоне черных с золотом шинелей развивающийся белоснежно – синий флаг, по бокам поблескивающие вороненой сталью клинки морских палашей. Знаменная группа подошла к центру строя, остановились и повернулись налево, к училищу "лицом".

– Училище, вольно!

– "Дзержинцы"! Я впервые в Вашем славном Училище и очень рад за Ваши успехи! В условиях сложной международной и военно-политической обстановки в мире Советский Союз всегда был и остается гарантом безопасности и мира во всем мире! В этой непростой и даже сложной обстановке Ваши успехи в учебе и службе особенно показательны. Мы

также имели возможность ознакомиться с научными работами и разработками. В целом, училище заслуживает отличную оценку и моя особая благодарность Вашему начальнику – Виктору Федоровичу Кудрявцеву! Благодарю за службу! – чуть громче подытожил министр свое краткое выступление.

– Служим Советскому Союзу!

Затем наш адмирал «коротенько» поблагодарил министра за "высокую оценку нашего ратного труда" и закончил свое выступление на типичной для того времени фразой: " Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза – вдохновитель и организатор всех наших побед!" Оркестр заиграл Гимн. Все «напряглись» перед "скачками".

– Училище! Равняйся, смирно! – и снова «загремел» Питулайнен. – На одного линейного дистанция!

Линейные, вооруженные карабинами с примкнутыми к ним штык – ножами, будто оловянные солдатики, четко совершив свой маневр, заняли свои места на плацу.

– Первая рота – прямо! Остальные... направо! Шагом... марш! – оркестр «грязнул» "Варяг". Сначала две офицерские роты, затем мичмана... Первый факультет, второй, третий...

– Равнение – на право! – командуют командиры рот.

– И – р-раз! – Бойко кричат моряки, равняясь на флаг и министра единым поворотом головы.

Устинов выглядит очень довольным и что-то говорит нашему адмиралу, от чего тот улыбается. Кажется, Училище с честью выдержало этот трудный экзамен. После часового

совещания в клубе и подведения итогов инспекции с офицерами и преподавателями, министр обороны отбыл в Москву. И действительно, к Новому году Устинов преподнес подарки в виде приказа на присвоение внеочередных званий и наградений, наиболее отличившихся орденами и медалями, а также ценными подарками и премиями. Эти «подарки» были очень ценными, так как некоторые из офицеров получили боевые ордена, а преподаватели – трудовые! Начальник училища был удостоен внеочередного воинского звания – вице-адмирал – первым из руководителей высших учебных заведений! В приказе МО значилось: "За большой вклад в деле воспитания и подготовки кадров, успехи в боевой и политической подготовке офицерско – преподавательского состава училища, а также за разработку и создание новых видов вооружения и военной техники наградить...". И конечно в свете таких событий и на "такой мажорной ноте" неужели нужно "лепить дело" какого-то курсанта Кудрева? Тем более, что дело-то и выеденного яйца не стоит? Короче, собрали партком факультета и постановили: «курсовую» переписать на более патриотическую тему и выделить мне куратора – капитана второго ранга Кузенеца, только что окончившего полит – академию имени Ленина и читавшего курсы "Парт – полит работа на флоте" и "Психология воинского коллектива". Настоящий "инженер человеческих душ"! Дядькой он оказался вполне приличным – подсказал нужную тему, проверил курсовую и помог ее без проблем у ветеранов

защитить. Эта история имела и положительный момент! Я «засветился» на родном факультете, и каждый офицер "родного краснознаменного кораблестроительного" считал своим долгом подбодрить и помочь мне при подготовке и сдаче экзаменов зимней сессии, которую я сдал досрочно и вполне удачно! Вот тут со мной и приключился "второй немецкий" казус!? Прямой рейс из Ленинграда почему-то отменили, и пришлось лететь через Челябинск, в который я прилетел рано утром. Предстояло несколько томительных часов ожидания. Я вышел из здания аэропорта и решил «щегольнуть» перед земляками немецкими сигарами с пластиковым мундштуком. Вообще-то я не курю и не курил, "но для фраера форс пуще неволи"! С "легким шиком небрежно" (как мне тогда казалось) я достал пачку, открыл ее перед курившими у входа мужиками дешевые папиросы и сигареты без фильтра и попросил «огоньку». Несколько человек с охотой предложили свои услуги, с интересом рассматривая "дикувинное заморское курево"! Я «затянулся», "крякнул" от неприятного кислого привкуса и... закашлялся от противного горького дыма! Мужики схватились за животы и просто покатались со смеха от моего кислого вида! Вот эта была сцена!? Да, воистину, "жадность и глупость фраера сгубили"! Так эта недокуренная пачка сигар где-то дома и валяется уже четверть века! Но все хорошее быстро кончается, вот и зимний отпуск и встреча с мамой пролетели как один миг. Большинство из моих друзей ушли в армию, оставшиеся практиче-

ски все время сдавали экзамены в институте. Возвращался назад через Москву, и этот маршрут в последующие годы стал для меня «основным». И снова закрутилась, завертелась жизнь курсантская, столичная. Жизнь, требующая от молодых растущих «организмов» больших душевных жизненных сил и, главное, средств. Однажды Юрка пришел с «тренировки» и сказал, что нашел «шабашку» в городе, правда, не уточнил какую? Сказал, что нужно надеть что-нибудь «грязное» и готовиться к субботе. Это "что-то грязное" оказалось разгрузкой угля на Московском вокзале с вагона на топливный склад. "Всего-то тридцать шесть тонн и по три рубля за тонну!" Это ведь целая сотня!? Еще и на "пирожки и кефир" останется! Поначалу даже ничего работенка, и за субботу мы успели две трети вагона осилить!? Вернувшись в училище, мы начали в душе смеяться над своим «загаром» и "удлиненными ресницами". И здесь к месту вспомнился анекдот: "Приходят в баню два негра, раздеваются в раздевалке и собираются в «парную». Бабушка, следящая за порядком в мужском отделении, вдруг замечает «странность» у одного из черномазых "клиентов":

– Товарищи негры! Извините меня за любопытство!? – спрашивает женщина. – Но почему у одного из вас член черный, а у другого белый? Он что, альбинос что ли?!

– Нет, мать, мы не негры! – отвечает тот, что весь черный. – Мы – шахтеры! Просто к Васе вчера жена приходила!?"

И хотя в воскресенье мы приступили к шашке с самого утра, работать не очень хотелось. Навалились вчерашние усталость и боль во всем теле. И, тем не менее, нужно было разгружать уголь и вагона. Где-то ближе к обеду к нам на склад зашел на «огонек» какой-то армянин:

– Ребята, вина будете? – спросил он и пояснил. – К сыну приехал навестить, хорошего вина привез. Сын у меня в Стрельне служит. Земляков встретил, отметить встречу предложил, а они шарахнулись как от чумного. Что с людьми страх делает?! От каждого шороха шарахаются в «кусты»! Вино оказалось марочным и хорошей выдержки, очень даже отменного вкуса. Дураками все же оказались эти «земляки», что отказались от того «райского» напитка. Мы пожелали «гостеприимному» армянину "Доброго пути" и объяснили, как быстрее и лучше доехать до Стрельны. На что он нам ответил в лучших традициях советского времени:

– Лучше я «такси» возьму! Город посмотрю, покатаюсь! Когда еще придется выбраться в Ленинград? Мы продолжили разгрузку, вино взбодрило и явно пошло на пользу. Что-то вроде допинга для спортсмена. Наступило обеденное время. Тяжелый труд и вино «подогрели» аппетит. Быстро «сгоняли» на вокзал, купили пирожки и кефир и устроились на складе отобедать. Перед нами стояла наша тележка, и лежали совковые лопаты. Вдруг на пороге возник какой-то проводник – мужик и спросил:

– Ребята! Можно мне торфа набрать, буквально пару ве-

дерочек?

– Берите, не жалко! – ответили удивленно мы.

Покидая наш «гостеприимный» склад, он на лопату положил рубль. Вскоре на пороге нашего склада появились его коллеги по «цеху» и в конечном результате на лопате оказалось... восемнадцать рублей!? Вот это был фокус!? Это же целых шесть тонн угля, как раз остававшиеся еще в вагоне?! Даже как-то поднялось настроение! Вот что значит "научный подход к повышению производительности через материальное стимулирование труда"! Через пару часов снова подошел еще один «южный» поезд. На этот раз «улов» наш был существенно скромнее всего "червонец"!? Но сам факт столь «легкого» отъема денег у «населения» нас удивил и позабавил. Часам к восьми вечера мы справились уже ставшим ненавистным вагоном, получили в конторе заработанные деньги и отправились мыться и отдыхать.

На следующее утро мы решали, как грамотно распорядиться заработанными деньгами. Мы решили заплатить чертежнику за выполнение двух курсовых работ – по курсам "Машиностроение и детали машин, механизмов..." и "Кораблестроительное черчение и архитектура корабля". Кстати, о последнем предмете, точнее о преподавателе того предмета следует сказать особо. Примерно с тысяча девятьсот семьдесят восьмого по тысяча девятьсот восемьдесят первый год он преподавал по межправительственному соглашению в США – в Массачусетском технологическом институте, в знамени-

том Кембридже. Следует отметить, что в те годы в Болгарию то не каждого пускали, а уж в США и подавно. "Набравшись там импортных замашек" он устроил нам настоящий террор. Например, на предыдущей зимней сессии, когда я сдавал ему экзамен, я простоял у «доски» почти шесть часов (!), ответив на множество вопросов практически по всему курсу лекций. Наш "американский парень" был не слишком «щедрым» на отличные оценки и искренне полагал, что "вероятного противника" готовят куда как лучше, а некоторые его коллеги по цеху проявляют к курсантам "излишние милосердие, мягкость и гуманизм". Во главу угла были заложены основные принципы "железного Дзержинского" воспитания будущих морских офицеров – кораблестроителей: аскетизм в желаниях, амбициозная жадность в устремлениях и познаниях, высокий интеллект и высочайшая культура поведения. Высочайшая жизненная «планка», которую всем нам нужно преодолеть!?! Но этот «деспот» по сравнению с «дедушкой» Муну оказался просто «мальчиком», в чем не стеснялся сам и признаваться. Но об этом «зубре» кораблестроительной науки повествование еще впереди, а пока...

Юрка где-то в городе нашел какого-то чертежника, который согласился накарябать два домкрата формата А2 по «двадцатке» за каждый курсовой. Через неделю мы с Юриком уже ходили в "передовиках производства". Настала очередь "Архитектуры..."?! И тут у нас вышла «трагическая» ошибка в наших расчетах. Во-первых, у нас оказались раз-

ные варианты чертежей. Во-вторых, необходимо было сделать аксонометрию предлагаемой корабельной секции, то есть развернуть ее под углом сорок пять градусов (а не «тупо» перерисовать), для чего необходимо было использовать "опыт предыдущих поколений". И наконец, в третьих, для всего этого необходимо было время, которое "текло неумолимо в праздности и развлечениях". А как сказал известный классик: "Время – деньги!" И вскоре "наши финансы запели романсы"! Необходимо было что-то предпринимать! Да и в «самоволки» приходилось теперь ходить с оглядкой на усиливающийся контроль. И все же гениальный выдумщик Юрка нашел решение проблемы весьма хитроумным способом?! Правда не без доли везения, риска и даже... кражи и мошенничества. Одним словом – "ловкий... бестия"!

Исходя из ранее намеченного плана, мы с Юриком «заступили» дежурными на КПП. Помощником дежурного по училищу заступил наш друган с четвертого курса, который и принимал-выдавал ключи от несекретных кафедр с Главной корабельной доски. Когда мы с Юркой отправились поздно вечером «отдыхать», то прихватили с собой ключи от кафедры вместе с оттиском печати, так как все помещения при закрытии опечатываются. Проникли на кафедру в лучших традициях Джеймса Бонда, предварительно разувшись, чтобы не наследить на палубе, выбрали «отличные» работы по своим вариантам и даже для третьего нашего дневального Кисы и благополучно закрыв и опечатав кабинет, отбыли восвоя-

си. Первый этап Юркиного гениального плана был успешно завершен!

Второй частью плана предусматривалось "размещение заказа" у нашего знакомого чертежника. Мы искренне полагали, что «полтинника» вполне будет достаточно, вернулся из города с «переговоров» расстроенный Юрик и сказал, что этот "нехороший человек Василий Алибабаевич – Вася" сначала запросил по «полтинничку» за каждый лист формата уже А1, но потом "милостиво опустил до семидесяти" за оба чертежа. Но даже этой «семидесяти» у нас уже не было!? На повестку дня встал известный русский вопрос: "?" " А ху... его знает, что делать?" Но вскоре уже я придумал такой же простой ответ: "Тупо кинуть!?" И снова как в пинг-понге:

– Где и когда?

– В воскресенье и на площади Мира.

– Почему именно там?

– Зимой мы с Устинычем были в патруле, и от нас убегал один «пехотинец». В подъезд дома со стороны площади Мира забежал, подъезд оказался проходной. Боец на Московский проспект выбежал и был таков.

– Поехали, посмотрим место.

– Поехали.

Мы внимательно изучили " поле предстоящего театра военных действий" и остались вполне довольные своим выбором. Наступило долгожданное воскресное утро, и мы с Юркой отправились на «задание». План наш был гениаль-

но прост: Юрий встречает «клиента» у станции метро и предупреждает его, что находимся в «самоволке» и опасаемся гарнизонного патруля, поэтому следует быть предельно осторожным и "внимательно рассмотреть чертежи" в некоем укромном от посторонних глаз месте. Затем он «ведет» клиента к нашему подъезду, где нахожусь я. Как только мы берем в руки чертежи и начинаем их «изучать», кричу: «Патруль»! И мы, прихватив чертежи, вбегаем в подъезд и далее по маршруту...

Мой компаньон отправился встречать клиента, а я принялся ждать, попутно наблюдая за Юркой. И действительно, из метро вышел гарнизонный патруль и первым делом проверил документы у... Юрки?! Если бы в этот момент появился чертежник, то весь наш план "пошел бы на смарку"!?

– Почему вы находитесь в городе в неурочное время, товарищ курсант? У вас в билете указано время увольнения с десяти утра, а сейчас только девять сорок пять?

– Так с утренней тренировки еду, товарищ капитан. – Чуть виновато ответил мой "коллега".

– Каким видом спорта занимаетесь? – Поинтересовался начальник патруля.

– Борьбой. Дзюдо!

– И как успехи?

– Чемпион Ленинграда.

– Ладно, успехов в учебе и борьбе! – вернул увольнительный билет начальник патруля и двинулся со своими патруль-

ными в сторону автовокзала. На сердце «отлегло». Как позже признался Юрка, все про себя молился, чтобы «лох» не появился не ко времени. Но нужно отдать должное нашему "многоуважаемому клиенту", что он появился как раз вовремя и даже с некоторым опозданием. Повстречавшись у входа метрополитена, они направились ко мне. Впереди шел смущенный предстоящей «сделкой» Юрик, а следом за ним... настоящий великан, человек – гора! При Юркиных метр восемьдесят пять на фоне чертежника он выглядел карликом, а я так вообще лилипутом при Гулливере. Позже Юрка так хохотал при виде тогда моей испуганной бледно – серой от страха рожи. Я честно признался, что в первый момент "знакомства с клиентом чуть в штаны не наложил от перспективы быть раздавленным как клоп в случае неудачного исхода операции". Наверное, во мне "умер великий комик"!? Но я так натурально сыграл свою роль, что клиент принял "все за чистую монету" и даже не заметил подвоха. С перепугу быть пойманным я бежал без оглядки почти до самого Исаакия.

– Стой, Костяк, стой! – кричал, весело смеясь Юрка. Мы сделали "это"!

– Да уж, – согласился, остановившись и отдышавшись, я, боязливо оглядываясь по сторонам. НУ, Юрок, я и присрал по правде сказать! Где ты такого «Вия» нашел?!

– А я, глядя на тебя, чуть не заржал. Ты прямо онемел как соляной столб. Я тебя толкаю, а ты ни гу-гу. Но молодец все же, потом.

И мы, весело смеясь над своими страхами и клиентом, отправились в училище. В понедельник мы в "передовом авангарде учебного отряда" на «отлично» защитили курсовые и снова "пустились во все тяжкое". Ведь на дворе царствовала Весна! Время любить и радоваться наступившей Юности. А время с конца второго курса и по начало пятого самое счастливое и беззаботное для любого курсанта. Когда заслуженного адмирала спросили:

– Когда вы были наиболее счастливы?

– Когда я был холостым желторотым лейтенантом! – ответил пожилой и отмеченный наградами "морской волк".

Через неделю наступали продолжительные майские праздники, и естественно, что мы к ним «готовились». Как обычно, накануне больших увольнительных все становится «послужными» и «пушистыми». Ведь кому охота "про dneвалить вне очереди" все майские праздники?! Объявляется "большая приборка". Все драится, моется, чистится, убирается и натирается. Полный аврал! Мое "рабочее место" было на кафедре "Соппротивление материалов", где я стал невольным свидетелем одного интереснейшего разговора?! Кафедра " Соппротивление материалов" размещалась в отдельно стоящем небольшом двухэтажном здании во внутреннем дворе Адмиралтейства и относилась к нашему факультету. Начальником кафедры был капитан первого ранга, но лекции нам читал отставной полковник – летчик Михаил Иванович, а практические занятия проводила очень симпа-

тичная и миловидная женщина Татьяна Петровна. Вот между этими внешне такими разными и по половому признаку, и возрасту, и по внешности людьми и произошел этот интереснейший диалог, вольным или невольным свидетелем я и стал. И мне даже пришлось дать клятву, которую теперь по прошествии двадцати пяти лет могу нарушить и рассказать.

Внешне Михаил Иванович был неприметным, невысокого роста и достаточно физически и в плане здоровья крепким еще мужчиной, несмотря на участие в ВОВ, о чем свидетельствовали боевые ордена и медали. Татьяна Петровна же напротив, была высокой красивой женщиной "чуть за сорок" с большими бирюзовыми как блюдца озер голубыми глазами. Она так грациозно курила папиросы "Герцеговина Флор" при помощи длинного янтарного мундштука и изящных музыкальных пальчиков как у пианистов, что у многих «сопливых» мальчишек в "заду дыханье замирало". И это последнее обстоятельство, кажется, ее забавляло!?

Итак, в этот предпраздничный день эта «сладкая» парочка задержалась почему-то на кафедре. Они сидели в преподавательской комнате и сначала просто весело болтали о работе и глупостях, которые совершают некоторые курсанты. Я начал приборку в лаборатории, не обращая на преподавателей никакого внимания. Почти закончив в основном зале, я решил спросить на счет приборки в преподавательской и предварительно постучав в открытую дверь, заглянул в кабинет. К этому моменту на столе Михаила Ивановича уже

стояла початая бутылка грузинского коньяка, и лежали нарезанные дольками апельсины. Тем более нужно было быстрее заканчивать с приборкой, дабы "не обламывать людям кайфа".

– Давай уже заканчивай, Константин и приberi все! Тебе, кстати, сколько лет?

– Девятнадцать!

– Девятнадцать!?! – Задумчиво повторил Михаил Иванович. – Вот Танечка, ровно сорок лет назад тоже в девятнадцать лет я попал на фронт, в знаменитый полк Кожедуба. В этот самый день!?! Сорок четвертого года!?! Самого страшного по потерям года! Мы сбивали сотнями, нас – тысячами!?! Я сам в октябре дважды «горел», хотя к тому моменту уже сбил семерых "немцев"!?! Если бы не «Батя» (как мы называли Ивана Кожедуба), «догорать» бы мне в бурьяне как многие мои друзья-товарищи! Давайте помянем их память вечную! Мы, "не чокаясь", выпили коньяк. Немного помолчав, Михаил Иванович продолжил свой рассказ:

– В марте сорок пятого сбил своего последнего «немца», одиннадцатого! Реактивный "мессер"!?! У них уже тогда появились такие "монстры"!?! Затем – Дальний Восток, война с Японией, академия... Пожалуй, что нация только дважды объединялась в едином патриотическом порыве: Великая Победа и когда Юра полетел в космос!

Он снова налил и выпил коньяк молча один – нам не предложив. О чем-то своем задумался, уставившись в "одну точ-

ку". Театральная пауза затянулась... Затем снова налил себе рюмку:

– Мой друг и «ведомый» Вася погиб в Корее (кстати, Герой Советского Союза), а меня сбили и через месяц обменяли на американцев. Теперь вот мальчишкам сопромат читаю, Танечка?! А мог бы уже дивизией или даже корпусом командовать! Да... не прощают у нас плен, не прощают!?! – и он снова выпил один, "по – ходу" помянув погибшего в том роковом воздушном бою товарища.

– Какие же они... подонки!?! Читать сопромат в «закрытой» "системе" мальчишкам можно, а авиаполком даже командовать нельзя! – И он жестом указал на потолок. Над нами размещался Особый отдел Училища.

– Тише, Михаил Иванович, прошу вас! – Взмолилась Татьяна Петровна и выразительно посмотрела на меня и пожилого полковника. – Не дай Бог, «они» услышат?

– Не услышат. Они уже все домой ушли. Да и что обо мне они еще не знают?

– А если? – и женщина кивнула в мою сторону.

– Он не побежит! Не побежишь «стучать» на старого летчика? – с усмешкой спросил полковник меня.

– Не бегал и не собираюсь начинать, Михаил Иванович! – честно ответил я.

– Я знаю, Танечка, что Константин не побежит. Кто туда бегают «туда», я всех их вижу и знаю.

Даже кто из их класса «туда» бегают и «стучит» на своих

товарищей. Но тебе, Костя, я не скажу. Вы, молодежь, парни горячие и жестокие. Предательства вы не прощаете, я по себе знаю, ведь тоже когда-то и я был молодым и бескомпромиссным. Дров наломаете! И себе, и ему всю жизнь сломаете. Ладно, иди в роту! Но то, что тут услышал, забудь!

– Уже забыл, Михаил Иванович! – и я забыл об этом удивительном разговоре на целых тридцать лет.

Явившись в ротное помещение в прекрасном расположении духа я нос к носу столкнулся с дежурным по роте старшиной второй статьи Андрюхой Ивановым, который был курсом старше и командиром отделения в «водолазном» классе (на третьем курсе он станет старшиной нашей роты):

– А что это мы не на приборке? – поинтересовался Иванов.

– Так закончил уже. Пораньше отпустили с кафедры.

– Ну-ка, ну-ка?! – он потянулся ко мне, принюхиваясь. – Что это такое?

Дело начинало принимать дурной оборот... Даже можно сказать, весьма скверный оборот... Я невольно попятился к выходу... Иванов навис надо мной как грозовая туча... Еще мгновение, и он схватит меня "за грудки"... Я – маленький мышонок Джерри, а он – котяра Том... Так спалиться?!...

И тут неожиданно вмешался его Величество Счастливый Случай! Ах, как кстати Он всегда вмешивается в дела мирские! Буд-то ангелы так развлекаются в раю! Еще бы, ведь там без юмора и розыгрышей было бы, наверное, скучно!?

Итак... Ротная дверь неожиданно распахнулась, и на пороге возник, точно добрый волшебник или святой Георгий в серебряных доспехах, блестящий и лощенный эдаким столичным блеском... контр-адмирал!

– Рота, смирно! – заорал дневальный на «тумбочке» бо-ец. – Дежурный по роте, на выход! (Хотя тот уже находился здесь же).

– Дежурный по роте старшина второй статьи Иванов! – представился «Том», сразу же превратившись из охотника в беспомощную дичь, из свирепого котищи в жалкого котенка перед бульдогом. – Тридцать вторая «Аз» рота находится на большой приборке. Разрешите узнать цель Вашего визита?

– Да цель в общем-то простая! Сын тут у меня, Михаил П...! Можно его увидеть? – «kozyрнув», ответил адмирал. И буквально сразу же в ротное помещение буквально «ввалился» начальник кор. фака " дядя Миша" Подшебякин и сграбастал адмирала в свои объятия.

– Какими судьбами к нам? Ну, хорош! Ай да я тебя рас-смотрю! Ну, молодец!

– Да вот был тут "по – соседству" в ЛенВМБ, дай, думаю найду! Раз уж такой случай представился!?

– Вот и отлично! Вот и правильно! Пойдем ко мне в ка-бинет, поговорим!

На пороге ротного помещения появился командир роты Афанас:

– Начальник курса капитан второго ранга Афанасьев! –

представился наш командир.

– Контр-адмирал П...! – козырнул столичный гость. Так вот, значит, какой главный разведчик флота?!

Начальник Первого Главного управления Главного Морского Штаба ВМФ СССР! Такое "по трезвянке" даже трудно выговорить, не то, что разбудив ночью... Красавец среди овец! Понятен и столичный лоск, и «сталь» в глазах, и «металл» в голосе. "Дядя Миша" напоминал местного помещика, давно простившимся со «светом» и вдруг волею Судьбы в своем «захолустье» узревшего "коронованную особу"?! Он как обычно много смеялся и шутил, но чувствовалась в нем какая-то нервная растерянность и даже подобострастное раболепие. Несмотря на давнее знакомство и дружбу, в нынешнем положении между офицерами была... пропасть!

– Да я, Миша, сына хотел дня на три в Москву забрать! Можно?

– Отчего же нельзя! Конечно, можно! – отвечал улыбающийся от возможности лицезреть "своего лучшего друга" начальник кораблестроительного факультета. – Афанасьев! Выпишите командировочное удостоверение и «проездные» документы в Москву на три дня курсанту П... и принесете мне на подпись!

– Слушаюсь! – ответил Афанас уходящим начальникам и уже мне добавил. – Кудрев! Найди немедленно курсанта П..., чтобы пулей «летел» в роту! Одна нога там, Другая уже здесь!

– Есть, товарищ командир! – меня распирало злорадное веселье. Еще бы, так оставить с носом Иванова. Я вспомнил по этому поводу один армейский анекдот: " В часть с инспекцией должен приехать генерал. Старшина выставил "на стреме" рядового Давлетбаева и приказал: " Пойдет генерал, Давлетбаев, зови сразу меня! Понял?"

– Так точно, товарищ старшина! – отвечает очень ответственный и старательный молодой боец.

– Давлетбаев! Генерал идет? – кричит из «кандейки» старшина.

– Никак нет! – отвечает Давлетбаев. И так раз пять или семь. Идет генерал. Давлетбаев спрашивает:

– Ты – генерал?

– Генерал-лейтенант, – удивленно-обиженно отвечает инспектор.

– Ты где, сука такая ходишь! – с некоторой угрозой в голосе говорит молодой боец. – Товарищ старшина тебя, осла, уже пять раз спрашивал...?!" Отправив Мишеньку в роту, я быстренько смотался на камбуз и закусил коньячок так, что от запаха не осталось и следа. Да еще зубы почистил и доложил командиру об исполнении его приказа. На этом можно поставить жирную точку. Одним словом, Фигаро или Труффальдино! Впрочем, какая разница – один е... (любит), другой дразнится!

– Только не опаздывай, Мишенька! – полушутя, полусерьезно напутствовал на прощание нач. фак своего старого

друга и его сына. Но Мишенька все же опоздал. Мы проучились с этим странным московским пареньком целых два года, но так и не «открыли» этого человека – «футляра» и не поняли его гнилое и тупое нутро. Все последовавшие затем чередой события привели к метаморфозе превращения из корабела Мишеньки в электрика!?! И так как это была наша "первая боевая потеря", то этому отнюдь не жизнерадостному "себе на уме" пареньку я решил посвятить... целую главу, которую так и назвал «Мишенька». Но трэба закончить главу нынешнюю. Впрочем, все по порядку. Наш начальник факультета "дядя Миша" действительно оказался настоящим "другом и товарищем по юности". Только его личное влияние и вмешательство «спасло» Мишеньку от неминуемых «двоек» за экзамены в летнюю сессию и "дальнейшего прохождения срочной службы на Краснознаменном Северном флоте", куда мы сразу же по окончании экзаменов отправились пока только на очередную учебную практику. Но предварительно, как обычно, в конце июня состоялся выпуск молодых офицеров на флот. Но тот выпуск запомнился нам нашими первыми старшинами – «пятакими», которых мы впервые встретили еще по приезду в учебный лагерь и по прошествии этих коротких двух лет учебы и службы успели узнать и даже совместно посетить Германию. Тот выпуск запомнился еще и тем, что в тот год выпускался внук начальника Главного управления вооружения и кораблестроения ВМФ СССР, заместителя Главнокомандующего адмирала

ла флота Котова. Эта была семья потомственных корабелов: прадед, дед (наш главный «босс» или даже "младший флотский бог"), отец и теперь вот внук – лейтенант инженерного корпуса флота.

И вот настал этот торжественный для училища «юбилейный» сто восемьдесят пятый выпускной День! Сто восемьдесят пять лет со дня основания царственной Екатериной Великой нашей коронованной золотой короной и золотым шпилем с золотым корабликом «Альма-матер» российского и советского кораблестроения. Построение началось как всегда с "ефрейторским зазором" сначала факультета во внутреннем дворике Восточного крыла, а затем уже всего личного состава училища на плацу.

– Возьмите ломы и идите подметать плац! – приказывает дежурный по факультету.

– Товарищ капитан-лейтенант! Вы хотели сказать – метлы? – спрашивают бойцы.

– Зачем метла? – удивляется дежурный офицер.

– Ну, чтоб было чисто! – вполне логично рассуждают курсанты, тоже удивляясь «непонятливости» каплея.

– А мне не нужно, чтоб было чисто! – уже с «металлом» в голосе говорит дежурный офицер. – Мне нужно, чтобы вы зае...сь (затрахались до смерти)!? (Неповторимый флотский юмор).

И вот теперь все эти приборки плаца, камбуз, дежурный взвод, ночные «чистки» овощей и прочие трудовые «радо-

сти» и повинности младших курсов позади. А впереди наступает самая счастливая учебная пора! Минимум забот и максимум радостных мгновений, которые будут длиться целую вечность – целых два с половиной года! Вплоть до гос. экзаменов и дипломного проектирования. Самая счастливая пора – беззаботная молодость! Мы уже ощущаем себя «третьекурсниками», третий курс – четвертым, ну а последние – «пятакими»! Всех переполняет какая-то возбуждающая радость бытия, даже младших – нынешних первокурсников!? Ведь скоро в училище появятся новые «негры», и самую грязную работу "по дому" придется делать уже им. И посему построенное на плацу училище напоминает пчелиный улей, радостно «жужжащий» накануне величайшего и торжественного действия – очередного выпуска молодого пополнения офицеров флота!

– Училище, равняйся... смирно! Равнение – на середину! – это начинает торжественный ритуал начальник строевого отдела. Товарищ капитан первого ранга! (Первый «зам» Питулайнен) Высшее инженерное военно-морское ордена Ленина училище имени Ф. Э. Дзержинского для торжественного выпуска молодых офицеров построено! Начальник строевого отдела капитан второго ранга Собкевич.

– Здравствуйте, товарищи! – здоровается с нами Питулайнен, повернувшись "во фронт".

– Здравия желаем, товарищ капитан первого ранга! – дружно отвечаем мы, уже порядком истомившись в ожида-

нии.

– Поздравляю Вас с очередным выпуском...!

– Ура! Ура! Ура! – "во все горло" орем мы.

– Молодцы, хорошо отвечаете! – Первый заместитель начальника училища умеет поднять и без того праздничное настроение.

– Служим Советского Союзу! – Буквально в каком-то полу истеричном экстазе ревом мы. Кажется, что возбуждающий электрический ток пробежал по цепям стоящих в рядах курсантов и офицеров. Даже показалось, что улыбки на лицах и радостное возбуждение сделали нас как-то выше ростом и шире в плечах.

– Начальник строевого отдела! – уже серьезно обращается первый зам.

– Я!

– Командуйте построение личного состава училища на Адмиралтейском проезде!

– Училище, слушай мою команду! – начинает Собкевич, Питулайнен морщится от подобных «пехотных» команд.

– Равняйся... смирно! Первая рота – прямо! Остальные... напра – во! Шагом марш!

Ударили барабаны оркестра и под барабанную канонаду рота за ротой стали "втекать в воронку Адмиралтейских ворот, чтобы затем выстроиться по ту сторону стены нашей военно-морской крепости – замка, украшенного символом Северной Венеции – золотым адмиралтейским корабликом.

Самым удивительным в архитектурном облике Адмиралтейства – это сохранившийся непонятно почему царский двуглавый орел, сидящий прямо над центральными воротами. Это прямо по соседству со знаменитой "чрезвычайкой"! Даже с кремлевских башен золотые «орлы» слетели, а здесь в самом осином гнезде чекистов остался!? Непонятно! Но закончим с этой архитектурно – поэтической лирикой и вернемся "к нашим баранам".

Училище построилось в следующем порядке: На правом фланге, практически напротив входа в штаб ЛенВМБ построился офицерско – преподавательский батальон, затем поочередно – первый факультет, второй и на левом фланге, на «шкентеле» наш «краснознаменный» третий (практически до самого входа в клуб). Таким образом, «Дзержинцы» заняли собой весь Адмиралтейский проезд. Напротив центрального входа установили микрофон и приготовились к началу праздника:

– Училище, смирно! – это уже командует Питулайнен. Равнение – налево!

Оркестр грянул «Встречный» марш. Из клуба вышел наш адмирал и чеканя шаг, пошел навстречу Питулайнену, чтобы принять рапорт о готовности к началу торжества:

– Товарищ вице-адмирал! Высшее инженерное военно-морское ордена Ленина училище имени Ф. Э. Дзержинского для проведения торжественного выпуска молодых офицеров на флот! Первый заместитель начальника учили-

ща капитан первого ранга Питулайнен.

Они вдвоем, под «залпы» оркестра прошли вдоль всего строя и подойдя затем к микрофону, адмирал поздоровался:

– Здравствуйте, товарищи "Дзержинцы"!

– Здравия желаем, товарищ вице-адмирал! – «грянули» мы так, что эхо отразилось от стен и арки здания Генштаба и Зимнего дворца.

– "Дзержинцы! – из уст нашего адмирала это слово звучало даже как-то по-отечески тепло. – Сегодня в жизни нашего славного училища наступил знаменательный и торжественный день! Поздравляю Вас с очередным выпуском лейтенантов – инженеров на Флот! Ответом ему было наше трехкратное громогласное: "Ура"!

– Училище, на флаг – смирно! – снова командует Питулайнен. Флаг... внести!

Знаменная группа, вооруженная палашами, двинулась от клуба к командной группе во главе с адмиралом. Под бравурные звуки оркестра – этих настоящих виртуозов духовых военных маршей и эстрадных мелодий, знаменосцы, твердо чеканя шаг и под несмолкающие аплодисменты присутствующей многочисленной публики – родственников "виновников торжества", гостей и просто любопытных зевак (которые от красоты военной церемонии «пришли» в неопикуемый восторг) промаршировали и встали на свое "законное место" во главе строя училища на правом фланге. Едва только прозвучала из уст Питулайнена команда: "Вольно!" Не успели мы

расслабиться, как срываясь на фальцет, уже скомандовал начальник училища:

– Училище, смирно! Равнение на – право!

Из штаба ЛенВМБ сначала вышел начальник ГУКа адмирал Котов, а следом за ним... сам главнокомандующий ВМФ СССР адмирал флота Советского Союза Сергей Георгиевич Горшков!/? Со стороны неискушенному в флотских делах наблюдателю могло бы показаться, что «иерархи» советского флота точно близнецы-братья: оба небольшого роста, в огромных белоснежных фуражках, украшенных широко раскинувшими свои хищные клешни золотыми крабами, в черных строгих флотских мундирах с бесчисленными разноцветными орденскими «колодочками» и золотыми звездами на рукавах и груди – Героя Советского Союза у главкома и Соц. труда у Котова. Горшков шел чуть впереди, его зам на шаг позади. Под звуки "Встречного марша" их встретил вице-адмирал Кудрявцев и отрапортовал:

– Товарищ адмирал флота Советского Союза! Высшее Военно-морское инженерное ордена Ленина училище имени Ф. Э. Дзержинского на торжественный смотр, посвященный очередному выпуску офицеров – инженеров на флот построено! Начальник училища вице-адмирал Кудрявцев. Адмиральская группа двинулась вдоль строя «Дзержинцев», внимательно глядя в напряженные лица курсантов. По мере ее приближения Мишенька засуетился, почуяв неладное. В то время как все готовились к смотру – гладили фор-

му, чистили обувь и бляхи, Мишенька же не удосужился даже в «малом» и теперь пытался наверстать: сначала почистил «хромачи» о брючины, рукавом фланки попытался надраить бляху. Поняв бесполезность всех этих потуг, он попытался "забуриться вглубь строя. Но и здесь его ожидало фиаско. На «шкентеле» стояли «водолазы» – будущие командиры отрядов подводно-диверсионных сил и средств (ПДСС), которых не так просто отодвинуть. Да и у Мишани не было авторитета в глазах подводных дьяволов. Кроме того, и их внешний вид был тоже не безупречен. Особенно «растительность»: Харатыч и Хазбий Надарович по прозвищу «Ризо» даже вынуждены были бриться по два раза на дню. Кстати, на эту тему есть анекдот: " Приходит как-то девушка к врачу-косметологу и говорит: "Доктор! У меня почему-то очень пышно растут везде по телу волосы?! Вот видите, у меня тут усы, борода вот, далее по шее, гуди, по животу и до... самых яиц!?" Конечно, ныне сексуальное меньшинство стремится стать большинством, но в наше время и в нашей среде на эту тему было наложено «табу». Ну а за оскорбление «пидр» можно было серьезно ответить здоровьем! Вообще, Миша остался стоять в строю, где и стоял. Да еще и нарвался на неприятности от «водолазов». Главком приблизился, внимательно высматривая «жертву», "яки коршун белого голубя"!

Его хищный взгляд буквально «впился» в Мишаньку?!
– Курсант?! – закрипел старческий безапелляционный голос Горшкова.

– Курсант П...! – "ягненком заблеял" Мишенька, который "своим немытым рылом"...

– Уж не контр-адмирала П... сынок? – не-то к Котову, не-то к Кудрявцеву обратился главком и сам же себе ответил. – Какой блестящий флаг-офицер и какой сын разпиз... (разгильдяй)! Хотя на флоте все знали о большем разгильдяе – внуке главкома Пете Горшкове! Но то ведь «говно» свое и как известно – не пахнет! Горшков резко повернулся «кругом» и зашагал к «трибуне». Шагавший замыкающим адмиральской группы начальник училища показал Афанасу увесистый кулак, от чего у нашего командира роты вконец испортилось настроение!

– Здравствуйте, славные "дзержинцы"! – уже «стальным» голосом начал свое знакомство с училищем Горшков.

– Здравия желаем, товарищ адмирал флота Советского Союза! – дружно и громогласно ответили мы.

– Поздравляю Вас со знаменательной вехой в жизни Вашего славного училища – очередным юбилейным выпуском офицеров-инженеров на флот!

– Ура! Ура! Ура! – точно раскат летнего грома.

– И еще одно радостное для Вас событие произойдет сегодня! По итогам учебного года Ваше славное училище стало победителем соревнования на призы министра обороны и главнокомандующего флота среди военных учебных заведений! Благодарю личный состав – курсантов и старшин, мичманов и офицеров, профессорско-преподавательский состав

и лично Вашего начальника училища вице-адмирала Виктора Федоровича Кудрявцева с этим знаменательным достижением! – и он передал нашему адмиралу два вымпела и кубка, крепко пожав руку. – Благодарю за службу!

– Служим Советскому Союзу! – наш «привет» кажется долетел до Московского вокзала. Затем главком сделал краткий доклад о "злонамерениях империалистов и нашем ответе Чемберлену", о создании "современного ракетно-ядерного флота, на котором предстоит служить Вам" и закончил знаменитой в те годы фразой: "Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза – вдохновитель и организатор всех наших побед!" Горшков оставался на посту главкома ВМФ более тридцати лет?! Приняв послевоенный практически морально устаревший и материально изношенный «москитный» флот, он сумел превратить его действительно крупнейший и сильнейший в мире океанский ракетно-ядерный щит Родины! Это не пустые слова! Каждые полгода со стапелей и верфей спускали на воду подводную лодку или надводный корабль?! Буквально накануне описываемых событий со стапелей Николаевского завода «Океан» был спущен первый авианосец! Строились подводные и тяжелые надводные крейсера третьего и четвертого поколения. Были полностью загружены судостроительные мощности не только Советского Союза и стран СЭВ, но и Югославии, Марокко и других стран. Многие из этих стран, например Швеция или Япония даже не догадывались, какую неопределимую

услугу они оказывают советской судостроительной промышленности в создании современных боевых кораблей и морских вооружений!?

– Училище, смирно! Начать торжественную церемонию производства в офицеры! – Начальник училища.

Тут же вынесли три стола по числу выпускаемых рот или факультетов. Адмиралы распределились следующим образом: Кудрявцев вручал лейтенантские погоны и кортики первому факультету, Горшков – второму, Котов соответственно "родному краснознаменному" кор. факу. Курсанты строевым шагом поочередно подходили к столам, представляясь:

– Главный корабельный старшина Андреев! Представляюсь по случаю производства меня в офицеры – инженеры Флота!

– Поздравляю Вас с первым офицерским званием! – адмирал Котов вручал золотые погоны и морской кортик, крепко пожимая руку новоиспеченного лейтенанта, которую по традиции "нельзя мыть неделю, чтобы не смыть звездную счастливую пыль и не спугнуть ее Величество Удачу"! Получив заветные золотые эполеты и личное оружие, еще курсант поворачивался «кругом» и отвечал:

– Служу Советскому Союзу!

Эта часть торжественной церемонии завершилась достаточно быстро. Вице-адмирал Кудрявцев скомандовал:

– Училище, вольно! Лейтенантам покинуть строй для переодевания в офицерскую форму! Вольно, разойдись! «Пя-

таки» достаточно шумно стремглав побежали в свой "четырнадцатый дом" переодеваться. Минут примерно через десять они уже в парадной офицерской форме с кортиками "на боку" организованной колонной заняли свое место на правом фланге строя, прямо за офицерско-преподавательской ротой.

– Училище!... Равняйся... смирно! Начать торжественную церемонию вручения Дипломов об окончании ВВМИО-ЛУ! Сначала из строя вышли командиры выпускных рот, чтобы ассистировать адмиралам. В начале дипломы, значки-"поплавки" и медали вручали «золотым» медалистам. В тот год таких курсантов оказалось двое: один со второго факка и Котов! Дед очень гордился внуком и, кажется, немного волновался! Наконец и эта часть торжественного ритуала окончилась. Начальник училища:

– Капитан первого ранга Питулайнен!

– Я!

– Командуйте торжественное прохождение!

– Есть!... Училище! Равняйся... смирно! К торжественному маршу!... (В это время начали движение с обоих флангов «линейные» с карабинами и присоединенными к ним штыками на "плече"). На одного «линейного» дистанция!... Знаменная группа и первая рота прямо! Остальные... на прав-... во! (строй на раз-два исполнил строевой "маневр")
Шагом марш!

Грянул «Варяг»! Нет, мы не шли, мы – летели! Сказы-

вались участия в Московских парадах и на Дворцовой площади! Причем, на моей памяти в Москву ездили дважды, хотя высших военно-морских училищ было в Союзе целых одиннадцать?! Блестяще прошли новоиспеченные лейтенанты, вызвав восторг и умиление у многочисленных зрителей. Под ноги им полетели многочисленные букеты цветов! Затем первый факультет "не подкачал", а когда мимо трибуны проходил второй и начальник факультета скомандовал:

– Рота, счет!

– Ир-раз! – дружный поворот голов "равнением на трибуну". В эту самую минуту оркестр заиграл любимый «дзержинцами» "Марш гренадеров"?! Там в припеве все дружно подхватывают: "Ох, хо-хо!" И когда из наших уст прозвучало это знаменитое и раскатистое: "Ох, хо-хо!" Зрители просто «взвыли» от удивления и восторга, и даже до этого момента остававшийся внешне серьезным главком вдруг вздрогнул от неожиданности и... рассмеялся! На этом «водевиль» и закончился! Но не для нас, точнее не для Мишеньки:

– Рота! Равняйся... смирно! Курсант П...!

– Я!

– Выйти из строя! – голос Афанаса "металлизировался".

– Есть! – Мишка с испугу начал движение "не стой ноги" – с правой, отчего его зашатало из стороны в сторону, да и поворот «кругом» был сделан через правое плечо.

– За не подготовку к строевому смотру объявляю три наряда "вне очереди"! – хлестанул «свинцом» командир.

– Есть, три наряда "вне очереди"!

Проходящий мимо начальник факультета добродушный "дядя Миша" добавил:

– Афанасьев! Пять нарядов! – и в прекрасном расположении духа отправился к «себе» на факультет.

– Отставить! Курсант П...!

– Я?! – голос у Мишеньки сорвался на фальцет, губы предательски трусливо задрожали.

– От имени начальника факультета объявляю пять нарядов "вне очереди"! Что нужно ответить?

– Есть пять нарядов "вне очереди"!

– Встать в строй!

– Есть! – показалось, что Мишеньку "Кондрат хватит".

– Рота! Вольно, разойдись!

На этом, увы, неприятности для Мишки не закончились. Поднимаясь по трапу, он получил смачный «пендаль» под жирный зад – за "пидора"?! Ну а вечером заступил в наряд или как у нас это называлось, "вышел на орбиту"! Впрочем, повезло еще, что через два дня курс отправлялся на Севера. Хотя... Служба не позволила подготовиться к отъезду как следует, в отличие от нас? Мы же подготовили основательного «кабанчика» и «прихерили» его в ячейке на Московском вокзале. В назначенный день и час «кабанчика» доставили и «зажарили» в поезде: четыре бутылки портвейна, одна водки, две банки минтая, хлеб, колбаска, все такое... В общем, "кабанчик"?! Ну а дневальным на все время следова-

ния роты к месту служебной практике, в обязанности которого входили "поддержание чистоты и порядка в вагоне и две влажные уборки и мусор!" Ну и кто же «пидр»? Впрочем, это практика Мишани в нашей роте оказалась для него последней. Дальнейшие события и приключения, случившиеся с Мишенькой, заставили меня посвятить этому парню целую отдельную статью и так ее и назвать «МИШКА»! На этом разрешите пока с Вами, дорогой читатель, раскланяться и до встречи в следующей главе.

Глава 3. Мишка

Умирают три военнослужащих и предстают перед Богом на Суд божий. Создатель им и говорит:

– Вы, двое из Афганистана, отправляйте в Рай! Заслужили. А ты, матросик, в Ад!

– Почему, Боже, им в рай, а мне напрямиком в ад?

– Да потому, милоч, что после Гремихи тебе и Ад раем покажется!?

Печальный анекдот

Пожалуй, Мишка был действительно «мишкой». Этаким деревенский увалень – "Иудушка Головлев". Избалованный многочисленными мамками и няньками, Мишка оказался в чуждой ему "среде обитания" со своими жесткими, а иногда и жестокими законами и традициями.

Отец его служил на Кубе военным атташе и практически был «хозяином» советской колонии, так как одновременно являлся центральным резидентом-координатором ГРУ в Центральной Америки. Позже, он возглавил Первое Главное управление Главного Штаба ВМФ СССР. Но, как это часто бывает, яблоко от яблони может упасть достаточно далеко. Как в случае с Ньютоном. Одним словом, природа на Мишке «отдохнула». Пока папаня "раздувал мировой пожар революции", Мишаня без маминой помощи трусы не мог поменять, не то чтобы совершить поступок. Окончив на Ку-

бе школу с золотой медалью (не удивительно!), он оказался в нашем классе и с первых же дней практически стал изгоем. Он был ленив, по-детски капризен, неуравновешен и труслив. Добавьте сюда нежелание учиться и заниматься спортом, а также постоянное чувство голода и желание насытиться любой ценой – и портрет нашего героя готов! Этаким Мальчиш-Плохиш! Впрочем, Мишенька парнем был добрым и потому станет героем моего повествования.

Как уже было отмечено выше, оказавшись в агрессивной для него среде, Мишка стремился, по возможности, к ней приспособиться или хотя бы разобраться в ее механике. В первый же день в училище с ним произошел занятный казус. Вначале восьмидесятых махровым цветом расцвела «годкавщина». Иерархия была настолько жесткой, что разница даже в один год обучения казалась пропастью. Нередко свое превосходство или главенство над стоящими ниже на иерархической лестнице старшекурсники доказывали, устраивая настоящие побоища. Приведу лишь два примера "соблюдения добрых морских традиций", свидетелем которых мне лично довелось быть в первые месяцы моей учебы в Училище. Первый такой момент произошел практически в первых числах сентября. Было время завтрака. Утро. Сентябрьское питерское солнечное теплое утро. Настроение приподнятое, несмотря на команду старшины роты: "Первый курс – приставить ногу!" Пропускаем вперед второй. В это время, с другого факультета выходит третий курс: "Второй курс –

приставить ногу!" Третьего только один класс, второго – три. Казалось бы, дело ясное и большинство решилось идти "на абордаж". И сначала показалось, что имея численное преимущество, большинство, сумеет отстоять свою первоочередность, но не тут-то было. Неожиданно к третьему курсу прибыло весомое подкрепление, состоящее из двух «своих» классов и одного класса четвертого курса того же факультета. Дело стало принимать серьезный оборот. В драке участвовали почти сто пятьдесят курсантов. И только вмешательство Старшего помощника дежурного по Училищу остановило дерущихся. Но для этого ему пришлось применить табельное оружие – выстрелить вверх! Продолжение «банкета» не заставило себя долго ждать. Сразу же после занятий оскорбленная сторона в полном составе ворвалась в расположение зачинщиков драки и устроила настоящую "Варфоломеевскую ночь", избивая всех кто попадался под горячую руку. В результате, пользуясь своим численным преимуществом и внезапностью нападения, третий курс утвердил "свои права", избив каждого третьего "второкурсника".

Второй "урок училищной этики поведения» и уважения к «старшим» имел место в начале октября и по своей обыденности и жестокости, пожалуй, превзошел первый. Во время перерыва между занятиями наш класс направлялся в учебный корпус другого факультета. Подойдя к учебному корпусу, мы были остановлены окриком: "Первый курс – приставить ногу!" Мы пропустили вперед третий, который нето-

ропливо стал подниматься по трапу вверх. В это же самое время с верхнего этажа стал спускаться класс пятого курса – «пятаки», без пяти минут офицеры флота. "Третий курс – приставить ногу!" И вчерашние бойцы – драчуны вдруг встали, как вкопанные и смотрели на «пятаков», как смотрит кролик на удава! Но всегда найдется в стаде одна глупая черная овца, которой все фиолетово. Вот и в стаде «третьекурсников» такая вот наглая «овца» вдруг, растолкав своих одноклассников, ринулся наверх – точно «Титаник» на айсберги. Но «айсберги» не только не растерялись, но и преподали «Титанику» жесточайший урок на всю оставшуюся жизнь. Каждый из пятаков, спускавшихся вниз по трапу нанес удар по возмутителю спокойствия. И это напоминало какой-то ритуальный танец! Они медленно спускались по трапу и били. Били только по разу и не оборачиваясь шли дальше сквозь живой коридор из друзей жертвы, которые оцепенев от ужаса, ничего не делали для спасения своего товарища?! В зловещей тишине раздавались только шлепки ударов и стоны жертвы. Двадцать пять «пятаков» и двадцать пять ударов. И сплошное кровавое месиво вместо лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.